

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tyutchevfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев

* * *

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущий
Восторженный цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..
И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем,
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег – и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою
Да ветвью от древа Аполлона
Его питомца я увью!..
14 сентября 1820

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ
Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящую струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.
Счастлив, кто гласом твердым, смелым
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!

И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!
Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!
1820(?)

ВЕСЕННЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ СТИХОТВОРЦАМ

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..
Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в сердце пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..
Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
О вы, чей взор столь часто освящен
Благоговения слезами,
Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему поэзией вручен!
В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!..

И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..
Как полным, пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом,
Блистают розы и горят
И Зефир – радостным полетом
Их разливает аромат,
Так разливайся жизни сладость,
Певцы, за вами по следам!
Так порхай ваша, други, младость
По светлым счастья цветам!..
Апрель 1821

А. Н. МУРАВЬЕВУ

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..
Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.
О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их золотокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой,
Чертог волшебный добрых фей

И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров, и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома.
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
и убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,

Лишь ты свою преодолей!

январь 1823

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons...

Gray ^1

Люблю, друзья, ласкать очами

Иль пурпур искрометных вин,

Или плодов между листьями

Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданья

Как бы погружены в весне,

И мир заснул в благоуханье

И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной

Зефир лобзаньем пламенит,

То кудрей шелк взвевает сладострастный,

То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,

И гроздий сок, и запах роз

Перед тобой, святой источник слез,

Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них

И, преломясь о капли огневые,

Рисует радуги живые

На тучах жизни громовых.

И только смертного-зениц

Ты, ангел слез, дотронешься крылами

Туман рассеется слезами

И небо серафимских лиц

Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

^1 О источник слез...(лат.). Грей.

* * *

«Не дай нам духу празднословия!»

Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.
Начало 1820-х гг.

ПРОТИВНИКАМ ВИНА

(Яко и вино веселит сердце человека)

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.
Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ною,
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.
Благие покушенья

Сам бог благословил
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.
Начало 1820-х гг.

ДРУЗЬЯМ ПРИ ПОСЫЛКЕ «ПЕСНИ РАДОСТИ» – ИЗ ШИЛЛЕРА

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах – луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей;
И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске,
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщет звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена,
И порвала ее Разлука!
Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье

я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетал
И Радость пел – пока о вас мечтал.
Между февралем 1823 и серединой 1826

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..
То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!
Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах..
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!
О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.
Как верим верою живую,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!
Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем,
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.
Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,

Привстав, окинем небосклон,
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

Осень 1825

К НИСЕ

Ниса, ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.
Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой,
Наших чувств тебе, знать, мало,
Ниса, ниса, бог с тобой!

Осень 1825

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умилоствить их
Он служит им укорю безмолвной.
Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.
Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:

Он нужен ей, как небо и дыханье.
Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.
23 ноября 1824

14-ое ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил,
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула
И не осталось и следов.
1826, не ранее августа

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,
И в звучных листьях замер он.
Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,
И торопливей, молчаливей

Ложится по долине тень.

Около 1826

* * *

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро – Музы под крылом
Его созрели годы
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы,
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру,
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтит в молодые лета
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.
Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая,
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье – быстро...

А спорил в жизни только раз
На диспуте магистра.

1827 (?)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный
Все вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.
1828; начало 1850-х гг.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, среди общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом..
Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире..

.
.

И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.
1828

САСНЕ-САСНЕ ^1

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся. зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.
Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?
1828

^1 Игра в прятки (франц.).

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.
Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.
Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.
И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.

1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!
Первая половина 1829

ОЛЕГОВ ЩИТ

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!

Краса и сила правоверных!

Гроза гяуров лицемерных!

Пророк твой – Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!

Великий бог! веди нас ныне,

Как некогда ты вел в пустыне

Свой избранный народ!..»

-

Глухая полночь! Все молчит!

Вдруг... из-за туч луна блеснула

И над воротами Стамбула

Олегов озарила щит.

Между 1827 и 1829; начало 1850-х

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,

Томительная ночи повесть!

Язык для всех равно чужой

И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,

Среди всемирного молчанья,

Глухие времени стенанья,

Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг

И мы, в борьбе, природой целой,

Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,

Как призрак на краю земли,

И с нашим веком и друзьями

Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя

Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!
Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!
1829

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.
1829

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,
И задымилась гора
С своими черными лесами.
Внизу, как зеркало стальное.
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...
И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил,
Горе, как божества родные,

Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

1829

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.
И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

1829

СНЫ

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Начало 1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе
И всю тебя узнал я в ней...

Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..
И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

1830

К Н. Н

Ты любишь! ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!
Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..
Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет... Он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.
Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с младых твоих ланит
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.
Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1830

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала
И доносились порой
Все звуки жизни благодатной,
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный – и невнятный.
Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье..
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье..
Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье..
Украдкой в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.
1830; 1851

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!
1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к, растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит,
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...
Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье..
Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога,
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит бога!..

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозью освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлась.

1830

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает,
Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..
О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле
И, не томясь, не мучась доле,
я просиял бы – и погас!

1830

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..
Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1830

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят..
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»
Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..

1830

SILENTIUM! ^1

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом умей
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,
Внимай их пенью – и молчи!..

1830

^1 Молчание! (лат.)

СОН НА МОРЕ

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,

Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!
Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И в брызги разлетишься!..

1830

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной,
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

1830

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстаем.

1830

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло..
Бесцветный грунт небес, песчаная земля –
Все на душу раздумье наводило.
Я вспомнил о былом печальной сей земли
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.
И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»
Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос

Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной,
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.

Начало октября 1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!
Октябрь 1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!
Осень 1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят,
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..
Осень 1830

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..
Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..
Октябрь(?) 1830

MALE ARIA ^1

Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Все тот же теплый ветер верхи дерев колышет,
Все тот же запах роз... и это все есть Смерть!..
Как ведать, может быть, и есть в природе звуки.
Благоухания, цветы и голоса
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки,
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,

Как тканью легкою, свой образ прикрывает..

Да утаит от них приход ужасный свой!..

1830

^1 Зараженный воздух (итал.).

* * *

Сей день, я помню, для меня

Был утром жизненного дня:

Стояла молча предо мною,

Вздыхалась грудь ее волною,

Алели щеки, как заря,

Все жарче рдея и горя!

И вдруг, как солнце молодое,

Любви признание золотое

Исторгло из груди ея..

И новый мир увидел я!..

1830

* * *

Как дочь родную на закланье

Агамемнон богам принес,

Прося попутных бурь дыханья

У негодующих небес,

Так мы над горестной Варшавой

Удар свершили роковой,

Да купим сей ценой кровавой

России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,

Сплетенный рабскою рукой!

Не за коран самодержавья

Кровь русская лилась рекой!

Нет! нас одушевляло в бое

Не чревобесие меча,

Не зверство янычар ручное

И не покорность палача!
Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.
Сие-то высшее сознание
Вело наш доблестный народ
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!
Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.
Сентябрь(?) 1831

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!
С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!

Пророчески беседовал с грозюю
Иль весело с зефирами играл!
Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал – как из венка!
1832, после 22 марта

PROBLEME ^1

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?

-

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.
15 января 1833; 2 апреля 1857

^1 Проблема (франц.).

* * *

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,

И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х гг.

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет. и звук немеет
В оцепененье ледяном,
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она все льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.
Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя,
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!
Начало 1830-х гг.

* * *

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..
О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!

Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди
Под ними хаос шевелится!..
Начало 1830-х гг.

* * *

[I]

Ты зрел его в кругу большого Света:
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик, иль полон тайных дум
Таков поэт, – и ты презрел поэта!..
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог,
Настала ночь – и, светозарный Бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

[II]

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече
Душа моя! о, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный..
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!
Начало 1830-х гг.

* * *

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных,

Душа моя, Элизиум теней,
что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
и сей бесчувственной толпою?..
Начало 1830-х гг.

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
в тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.
Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул
Как по ночам здесь сладострастных дев
давно минувший вторился напев
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?
21 апреля 1834

* * *

я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и голстоит,
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

* * *

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало,
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало..
Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo..
Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые..

1835

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей..
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой..

1835

* * *

И гроб опущен уж в могилу
И все столпилось вокруг..
Толкуются, дышат через силу,

Спирает грудь тлетворный дух.,
И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.
Вещает брэнность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...
1835

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...
Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...
Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!
Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?
Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?

Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы..
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1835

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..
Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит..
На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул..
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул..
Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

1835

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся..
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,

На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..
О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..
Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..
1835

* * *

Вечер мгlistый и ненастный..
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час..
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..
1835

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,

Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.
Там-то, баят, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;
Месяц слушал, волны пели...
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.
И лучами неземными,
Заклучен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.
Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
и беседу продолжали
Тихомолком меж собой.
В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.
И лишь дремой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.
Все прошло, все взяли годы
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе...
1835

* * *

Тени сизые смешались,

Цвет поблекнул, звук уснул
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул..
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном..
Час тоски невыразимой!..
Все во мне и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!
1835

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
я скрыть не в силах, мать-Земля..
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я..
что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны?..
Весь день в бездействии глубоко
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?..

1835

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов, в унынии моем,
Не нахожу.
Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдет
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.
За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей знак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом – новый знак
И лист иной.
И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...
Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской
То знает бог?
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...

1835

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он
И вот ушел за небосклон!
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, пророс к земли!..
1835

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит
Он в дол спешит на новоселье,
Я лезу вверх, где ель стоит.
Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих
Ты к людям, ключ, спешишь в долину,
Попробуй, каково у них!
1835

* * *

«Все бешеной буря, все злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей».
«О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!»
«Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас».
«О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!»
«Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она».

«О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных,
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх..
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.
Между 1831 и апрелем 1836

* * *

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!
Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости..
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..
«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?
Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди..
О, сжался над своей тоской,

Свое блаженство пощади!
Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»
Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.
Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!
Между 1834 и апрелем 1836

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу

И лишь румяней стала

Наперекор врагу.

Апрель 1836

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым

Фонтан сияющий клубится;

Как пламенеет, как дробится

Его на солнце влажный дым.

Лучом поднявшись к небу, он

Коснулся высоты заветной

И снова пылью огнецветной

Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,

О водомет неистошимый!

Какой закон непостижимый

Тебя стремится, тебя мятет?

Как жадно к небу рвешься ты!..

Но длань незримо-роковая

Твой луч упорный, преломляя,

Свергает в брызгах с высоты.

Апрель 1836

* * *

Яркий снег сиял в долине,

Снег растаял и ушел;

Вешний злак блестит в долине,

Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет

Там, на высях снеговых?

А заря и ныне сеет

Розы свежие на них!..

Апрель 1836

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.
.
.
.

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.
.
.
.

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

Апрель 1836

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливым провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.
Апрель 1836

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,

Но сквозь редящего сна
Весну слышала она
И ей невольно улыбнулась...
Душа, душа, спала и ты..
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь..
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..
Апрель 1836

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг..
Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц;
Угрюмый, тусклый огонь желанья.
Апрель 1836

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!
Апрель 1836

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, темно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.
Утихло вокруг тебя молчанье
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.
Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.
Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.
Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям,
Вот, словно змейка, извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологам развилось...
Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!
Апрель 1836

29-ое января 1837

Из чьей руки свинец смертельный

Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фнал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В 'цареубийцы' заклеямен.
Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..
Май – июль(?) 1837

1-ое ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь–то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее истлило
В твоей измученной груди!..
Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,

Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.
декабрь 1837

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA ^1

И распротясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.
И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.
Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.
По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок
И ласточка влетает и щебечет..
И спит она... и сон ее глубок!..
И мы вошли... все было так спокойно!
Так все от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

.

Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал,
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:
«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,

Через порог заветный перешла?»

декабрь 1837

^1 Вилла (итал.).

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
я зрел тебя лицом к лицу

и ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..

Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн

и я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

и песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,

когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...

Они все те же и поныне
Все так же блещут и звучат,

По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился
я вновь на Север увлечен...

Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...

Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине

и холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,

На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:

Вы блещете еще прекрасней,

Еще лазурней и свежей
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!
Декабрь 1837

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не соединяет их?
Начало 1838

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!
Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
Цветами сыплет над землю,

Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.
Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,
И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.
Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!
1838

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен злототканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и, с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами
Вот отчего нам ночь страшна!
Начало 1839

* * *

Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!
Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.
Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.
Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змию сердце жалит,
Но как пчела его сосет.
Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.
Начало 1839

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Середина 1839

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленный
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем,
Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц..
Но скоро добрый сон, младенческо-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц
И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он..
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось
И тих и сладок был твой сон.
А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла..
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась
Иль в сон иной бы перешла.

Между концом 1838 и серединой 1839

* * *

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!
Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...
Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,
И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты,
О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет
Боготворить умеет он!
октябрь(?) 1840

К ГАНКЕ

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?
Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,

Разбрелись во все концы.
А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.
И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.
Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезъязычил немец,
Этих – турок осрамил.
Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.
О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!
Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил!
И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам,
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!
26 августа 1841

ЗНАМЯ И СЛОВО

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?
25 июня 1842

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.
Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.
1844

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.
Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...
О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?
О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...
21 ноября 1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет, и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?
Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой,
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,

Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан!
И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв...
Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час-другой
Надоест волне гремячей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...
1848

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...
1848

* * *

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.
1848

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Москва и град Петров, и Константинов град
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.
1848 или 1849

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвуют чувства,
Мечты развеются твои...
И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле,
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...
1848 или 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне,
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»
1848 или 1849

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.
Ветра теплого порывы,
Дальный гром и дождь порой..
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.
Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.
Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.
Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.
6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,

Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где, теперь, туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.
О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах
Как брат меньшей, умерший в пеленах..
Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!
13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют..
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной..
23 июля 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг знает бог откуда

Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.
Так иногда осеннею порой,
Когда поля. уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною..
22 октября 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.
Октябрь(?) 1849

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей,
Огнедышщий и бурный
Уносил нас змей морской.
С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.
Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал..
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал..
Приутих наш круг веселый,

Женский говор, женский шум..

Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.
Сны играют на просторе
Под магической луной
И баюкает их море
Тихоструйною волной.
29 ноября 1849

РАССВЕТ

Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.
Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.
Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?
Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласится!
Тебя зовет и будит он,
Вставай, мужайся, ополчися!
В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!
Ноябрь 1849

* * *

Вновь твои я вижу очи

И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...
Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...
Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.
1849

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1849

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди kloкочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

Начало 1850

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты,
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами,
Как над этим дольным чадом,
В горнем, выпренном пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

Начало 1850

РИМ, НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и – овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой..
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

Начало 1850

НАПОЛЕОН

I
Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе..
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе..

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе – орлы парили,
В его груди – змии вились..
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему..
Он был земной, не божий пламень,

Он гордо плыл – презритель волн,
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял, – перед тобой Россия!
И вещей волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкою в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой..
Года прошли – и вот из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец..
Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,
Порою встав, он смотрит на Восток
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
Передрассветный ветерок.
Начало 1850

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.
И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы

Их вязал и чаровал...
И чета в любви и мире
Много славы нажила
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.
А теперь?
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья,
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..
Начало 1850

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.
На самого себя покинут он
Упразднен ум, и мысль осиротела
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.
Между 1848 и мартом 1850

ПРОРОЧЕСТВО

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе,
Свершится он – и грянет час!
И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России,
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

* * *

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна – и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.
В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской
Мечты людей, как сны больного, дики.
Но с нами бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина,
Но твоего не помутила зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!»
Ты рек, – и вспять отхлынула волна.
Между 1 и 6 марта 1850

* * *

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,

Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...
Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя...
Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..
Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой,
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.
То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей,
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом,
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России
Нет, вам ее не запрудить!..
Май 1850

* * *

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится,
А помирятся ж эти две

Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

1850

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой
Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.
Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.
Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.
Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

НА НЕВЕ

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.
И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне

И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.
Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?
Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна!
Июль 1850

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!
Июль 1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,
Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.
Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу

И кропит росой незримой
Очарованную мглу.
И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.
Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,
Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И – уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...
12 августа 1850

* * *

Обвеян вещью дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.
Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!

Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ДВА ГОЛОСА

I

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.
Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец..
Для них нет победы, для них есть конец.

II

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне..
Знакомый голос... голос чудный..
То лирный звук, то женский вздох..
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог..
Я спал в оковах тяжелой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.
Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.
Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил..
Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом
И в замке феи-нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем!..
Вдвоем! – И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.
1850

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море

Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая,

Иль ночью, в поздней темноте,

Но все, неизбежимо тая,

Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,

Утратив прежний образ свой,

Все – безразличны, как стихия,

Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщение,

Ты, человеческое Я,

Не таково ль твое значенье,

Не такова ль судьба твоя?

Весна 1851

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь – гласит преданье

Союз души с душой родной

Их съединенье, сочетанье,

И роковое их слиянье,

И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее

В борьбе неравной двух сердец,

Тем неизбежней и вернее,

Любя, страдая, грустно млея,

Оно изнает наконец...

Между июлем 1850 и серединой 1851

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы – для земнородных

Два божества – то Смерть и Сон,

Как брат с сестрою дивно сходных

Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца

И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца..
Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.
И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений
Самоубийство и Любовь!
Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.
Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Страница 80

Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я страдаю, не живу... им, им одним живу я
Но эта жизнь!.. О, как горька она!
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.
Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я
я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.
Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, если бы живые крылья

Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!
Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?
И что ж теперь? И где ж все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..
Первая половина 1851

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была
Ты, ты, мое земное провиденье!..
Апрель 1851

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...
Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым,
И вот живые эти грезы,

Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...
О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.
Май 1851

* * *

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание
Но как'я беден перед ней...
Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...
Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,
Где спит она – твоё рожденье
Твой безымянный херувим,
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.
1851, после 20 мая

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит..
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

* * *

Дума за думой, волна за волной
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе,
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала..
И над тусклою землю
Небо, полное грозю,
Все в зарницах трепетало..
Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою..

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:

Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...
6 августа 1851

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.
Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня,
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..
Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.
Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.
1 ноября 1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво–безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой,
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

Недаром милосердым богом
Пугливой птичка создана
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.
И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской..
Чем ближе к ним, тем ближе к Року
Несдобровать под их рукой..
Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, вырастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.
Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей..

1851

* * *

Mobіle comme l'onde ^1
Ты волна моя морская,

Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!
Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод,
Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.
Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.
Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.
Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.
Апрель 1852

^1 непостоянная, как волна (франц.).

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли
Твои, поэт, прощальные лучи...

А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И эту духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»

Конец июня 1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,

Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.
Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.
Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильнее
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей..
28 июля 1852

* * *

Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой..
Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.
31 декабря 1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ
О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней..
Сияй, сияй, прощальный свет

любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.
Между серединой 1851 и началом 1854

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...
Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..
Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними

И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...
Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял Другой – стоял и ждал...
И мимо проходила рать
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...
И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число
И в атом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...
Между 5 и 7 сентября 1853

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.
Между осенью 1853 и весной 1854

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..
Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...

Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..
Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас..
Август 1854

* * *

Увы, что нашего незнанья
и беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?
11 сентября 1854

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное..
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем..
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,

Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

24 октября 1854

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...
Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет,
И вот – в железной колыбели,
В громах родится Новый год...
Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!
Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар,
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманый удар...
Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.
Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...
Конец 1854 или начало 1855

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА

НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

Нет, мера есть долготерпенью,

Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не все же можно перенести!
И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!
Прочь с сих предательским лобзаньем
И весь апостольский их род
Будь заклеямен одним прозваньем:
Искарриот, Искарриот!
1 марта 1855

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
я брожу как бы во сне,
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.
Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой люблю..
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.
10 июля 1855

* * *

Так, в жизни есть мгновения

Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошрое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я
О время, погоди!
1855(?)

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.
13 августа 1855

* * *

Вот от моря и до моря

Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.
И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещи садятся
Вдоль по нити вестовой.
Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул и крылами
Замахал он веселей.
И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?
13 августа 1855

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ
О, в эти дни – дни роковые,
Дни испытаний и утрат
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!
Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!
16 октября 1855

* * *

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров,

Твой день – болезненный и страстный.

Твой сон – пророчески-неясный,

Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь

Волнуют страсти роковые

Душа готова, как Мария,

К ногам Христа навек прильнуть.

1855

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

Не богу ты служил и не России,

Служил лишь суете своей,

И все дела твои, и добрые и злые,

Все было ложь в тебе, все призраки пустые:

Ты был не царь, а лицедей.

1855

* * *

Тому, кто с верой и любовью

Служил земле своей родной

Служил ей мыслию и кровью,

Служил ей словом и душой,

И кто – недаром – провиденьем,

На многотрудном их пути,

Поставлен новым поколениям

В благонадежные вожди...

4 января 1856

* * *

Все, что сбережь мне удалось,

Надежды, веры и любви,

В одну молитву все слилось:

Переживи, переживи!

8 апреля 1856

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твоё стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты..
Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы..
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растреньё душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа..

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней – какую негой веет
От каждой ветки и листа!
Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником,
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.
Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

* * *

Когда осьмнадцать лет твои

И для тебя уж будут сновиденьем,

С любовью, с тихим умиленьем

И их и нас ты помяни...

23 февраля 1858

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;
Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны,
Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струю по стенам;
И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...
Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.
Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...
Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

Апрель 1858

* * *

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело..
О, сколько жизни было тут,
Невозв ратимо-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.
Апрель 1858

УСПОКОЕНИЕ

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело,
Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.
Одна другой наперерыв
Спешат-бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...
И слезы брызнули из глаз
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...
Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1858

* * *

Осенней поздней порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...
И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек – не унывай...
Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край
Путь далек – не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.
Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...
Конец октября 1859

* * *

Есть много мелких, безымянных

Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...
И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.
Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.
Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.
Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для этих звезд очков не надо,
И близорукий видит их...
20 декабря 1859

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж вострепенулся день,
Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.
Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

декабрь 1859

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.
Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там..
Все лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко..
Так розно с тем, что в нашем мире,
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.
Проснулись мы, – конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.
Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Все тот же взор неотразимый,
Все та ж улыбка, что во сне.

1859

* * *

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой

Теперь ты сделалась лакейской.

1850-е годы.

МЕМОА А1

Vevey 1859 – Geneve 1860 А2

Ее последние я помню взоры
На этот край – на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей,
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...
Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...
Светились Альпы, озеро дышало
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее живую
И в страшную минуту роковую
Все той же будет, чем была...
Конец октября 1860

А1 Помни (лат.).

А2 Вевет 1859 – женева 1860 (франц.).

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя,
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,

Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!
На недоступные громады
Смотрю по целым я часам,
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...
Октябрь 1860

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.
Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет
И с первым сном она бежит от них.
Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!
Не то от ней присуждено вам было:
Вас, юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.
Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее все была.
И как с годами крепнет, пламенея,

Сок благородный виноградных лоз,
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.
И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!
Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!
Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.
Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи – .
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..
Так верим мы, незримиыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.
За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..
Около 25 февраля 1861

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью..

25 марта 1861

* * *

Я знал ее еще тогда
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...
И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...
Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

* * *

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

Март(?) 1861

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ,
Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...
Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир

Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...
Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...
Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...
12 июля 1861

* * *

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь...
Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь – я уйду.
Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы,
Нет, это все не для меня!
Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.
25 июля 1861

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.
Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.
Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно-тяжело.
Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

Октябрь 1861

* * *

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын – положим, так,
А все не Александр Великий.

1861

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой,

Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...
Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...
14 апреля 1862

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.
14 апреля 1862

* * *

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.
Февраль (?) 1863

* * *

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.
Осьмой уж месяц длятся эти битвы
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому Молитвы,
В одной руке распятие и нож.
И целый мир, как опьяненный ложью,

Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..
И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова
Все поднялось и все грозит тебе,
О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней..
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!
Начало августа 1863

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ
Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..
Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему,
Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе,
Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, увы, и пошlostям родным.
Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;
Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой,
Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.
Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живею,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.
При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.
И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.
Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья,
Но долго, долго не забыть
Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений

И стан, оправленный в магнит,
Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.
1863

Н. И. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.
И все для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно,
Но чья-то песнь вдруг раздалась...
И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поглубел
И вновь подернулся сияньем...
И все опять зазеленело,
Все обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.
1863(?)

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья
Великий день, новозаветный день,
И на лице его от умиленья

Предсмертная вдруг озарилась тень.
Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним – царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба,
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.
Между 19 и 21 февраля 1864

* * *

Не всё душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится.
12 апреля 1864

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женеvских вод
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.
Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной,
Их пышность ветхую лелеет.
А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.
Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю
Одной могилой меньше было..
11 октября 1864

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
По листьям весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...
И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»

.

Любила ты, и так, как ты, любить
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...
Октябрь или первая половина декабря 1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.
Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...
3 ноября 1864

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..

О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...
21 ноября 1864

* * *

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.
Ноябрь 1864

ENCYCLICA ^1

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.
Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни – дни божьего суда
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.
Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой бога
Его последняя хула...
Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет,
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»
21 декабря 1864

Л1 Энциклика (лат.) – папское послание.

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Все лучшее в России, все живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.
Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, – и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное,
Здесь лучезарно, там сизо-темно..
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно..
На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром..
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.
В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою..
Январь 1865

* * *

Когда на то нет божьего согласия,

Как ни страдай она, любя,
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя..
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

ОТВЕТ НА АДРЕС

Себя, друзья, морочите вы грубо
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат:
Вы просто члены Английского клуба..
Вторая половина января 1865

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других..
Их тяжкий гчет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.
Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.
Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.
И я один, с моей тупой тоскою,

Хочу сознать себя и не могу
Разбитый челн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.
О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассеи:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,
По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,
По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.
Конец марта 1865

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим..
Но бог не даром в нем сказался
Бог верен избранным своим..
Сто лет прошло в труде и горе
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем..
Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она..
И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь память вечную гласим.

Да, велико его значенье
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил сму,
Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Сын царский умирает в Ницце
И из него нам строят ков..
«То божья месть за поляков»,
Вот, что мы слышим здесь, в столице..
Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?
О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия,
И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!»
И Русь спасать его не встанет.

8 – 11 апреля 1865

12-ое АПРЕЛЯ 1865

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца,
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца

Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего,
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его..
Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней,
О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста..

12 апреля 1865

* * *

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

30 апреля 1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis ^1

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,

И ропщет мыслящий тростник?
И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?
17 мая 1865

Л1 Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.).
ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ
Нет боле искр живых на голос твой приветный
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный
Последний, скудный дым с потухшего костра.
30 мая 1805

* * *
Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.
И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.
15 июля 1865

* * *
Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,

Но к небу подымите взор..
Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее
Вся разгорается она
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей..
29 июля 1865

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня..
Тяжело мне, замирают ноги..
Друг мой милый, видишь ли меня?
Все темней, темнее над землею
Улетел последний отблеск дня..
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня..
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака. ушла
Она полнеба обхватила

И в высоте изнемогла.
О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.
5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.
Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.
18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,

И сохла, сохла с каждым днем,
Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.
23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье
Оно всех демонов сильней.
Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.
К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.
21 декабря 1865

ГРАФИНЕ А. Д. БЛУДОВОЙ
Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что пережить – не значит жить,
Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.
1 марта 1866

* * *

Когда сочувственно на наше слово

Одна душа отозвалась

Не нужно нам возмездия иного,

Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

КНЯЗЮ СУВОРОВУ

Два разнородные стремленья

В себе соединяешь ты:

Юродство без душеспасенья

И шутовство без остроты.

Сама природа, зная, хотела

Тебя устроить и обречь

На безответственное дело,

На безнаказанную речь.

Апрель 1866

* * *

И в божьем мире то ж бывает,

И в мае снег идет порой,

А все ж Весна не унывает

И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злился,

Несвоевременная дурь,

Метели, вьюги улеглись,

Уж близко время летних бурь.

11 мая 1866

* * *

Когда расстроенный кредит

Не бьется кое-как,

А просто на мели сидит,

Сидит себе как рак,

Кто ж тут спасет, кто пособит?

Ну кто ж, коль не моряк.

3 июня 1866

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывшее чудно веет
Обаянием своим.
Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывшее
Словно дышит в забвенье;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866

* * *

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

2 сентября 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.
Начало сентября 1866

* * *

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.
Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.
Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине
Югом блещет, югом веет,
И живет как во сне.
Все привольней, все приветней
Умалющийся день,
И согрета негой летней

Вечеров осенних тень.
Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.
Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.
Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.
В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.
И святое умиление
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...
Небывалое доселе
Понял вещей наш народ,
И Дагмарина неделя
Перейдет из рода в род.
17 сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.
28 ноября 1866

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?
Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим
Народный праздник и семейный?
Какой пошлем тебе привет
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?
При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной,
Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?
Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить,
Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября – 1 декабря 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемой беда
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда..
20 декабря 1866

* * *

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.
И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..
Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!
О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах
Везде он правды личным стал spagoM!
Но есть еще один приют державный,

Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!
31 декабря 1866

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.
1866 или 1867

* * *

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!
Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеела былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.
1 марта 1867

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.
Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.
На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,

Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.
Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.
И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?
Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!
Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...
Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной.

25 апреля 1867

СЛАВЯНАМ

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы – свои!
Вы дома здесь, и больше дома,

Чем там, на родине своей,
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают сас
Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: – Это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!
Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда. создалась:
Для них – закон и равноправно=ть,
Для нас – насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.
И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготееет и над нами

Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронута Коссово поле,
Не скрыта Белая Гора!
А между нас, – позор немалый,
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.
Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью
Ему известны день и час...
И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив – верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово царь-освободитель
За русский выступит предел...
Начало мая 1867

СЛАВЯНАМ

Man muв die Slaven an die Mauer drucken ^1

Они кричат, они грозятся:

«Вот к стенке мы славян прижмем!»

Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..
Да, стенка есть – стена большая,
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.
Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала,
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла..
Ее не раз и штурмовали
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри..
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но.. каждый камень в ней живой..
Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам,
Посмотрим, что они возьмут!
Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их,
Не выдаст вас страна родная,
Не оттолкнет она своих.
Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.
11 – 16 мая 1867

^1 Славян надо прижать к стене (нем.).

* * *

Напрасный труд – нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.
Май 1867

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия
Свой меч, иззубренный в бою,
Он волей призван был державной
Стоять на страже, – и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело,
И вот венец его заслуг.
13 июня 1867

* * *

Как ни тяжел последний час
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья,

Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...
14 октября 1867

* * *

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара
И правда божья видима для всех...
То божьей правды праведная кара,
И, ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.
А ты, ее носитель неповинный,
Спаси тебя господь и отрезви
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.
27 октября 1867

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В «JOURNAL DE
ST.-PETERSBOURG»

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток,
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!
Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!
И в излиянье чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
На них записана вся повесть

О том, что было и что есть;

Изобличив Европы совесть,

Они спасли России честь!

5 декабря 1867

* * *

Опять стою я над Невой,

И снова, как в былые годы,

Смотрю и я, как бы живой,

На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,

Все стихло в бледном обаянье,

Лишь по задумчивой Неве

Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,

Или гляжу я в самом деле,

На что при этой же луне

С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,

Грозной тучею сплошной,

Дым за дымом, бездна дыма

Тяготееет над землей.

Мертвый стелется кустарник,

Травы тлятся, не горят,

И сквозит на крае неба

Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном

Нет ни искры, дым один,

Где ж огонь, злой истребитель,

Полномочный властелин?

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Лишь украдкой, лишь местамн,

Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!
Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.
Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло
Беспомощное дитя.

16 июля 1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное..
Час от часу жар сильнее,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.
Чудный день! Пройдут века
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ
Стихов моих вот список безобразный
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
В наш век стихи живут два-три мгновенья,

Родились утром, к вечеру умрут..
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.
Конец августа 1868

ПАМЯТИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО
И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.
Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен и везде
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде..
Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся – и ни разу не поддался..
Он на Руси был редкий человек.
И не Руси одной по нем сгрустнется
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.
21 сентября 1868

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее – но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.
1868(?)

* * *

Вы не родились поляком,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Хоть шляхтич вы по направленью,

А русский вы – сознайтесь в том

По Третьему лишь отделенью.

Слуга влиятельных господ,

С какой отвагой благородной

Громите речью вы свободной

Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером

Аристократии служили

В какой лакейской изучили

Вы этот рыцарский прием?

Середина января 1869

* * *

«Нет, не могу я видеть вас...»

Так говорил я в самом деле,

И не один, а сотню раз,

А вы – и верить не хотели.

В одном доносчик мой неправ

Уж если доносить решился,

Зачем же, речь мою прервав,

Он досказать не потрудился?

И нынче нудит он меня

Шутник и пошлый и нахальный

Его затею устрани,

Восстановить мой текст буквальный.

Да, говорил я, и не раз

То не был случай одинокий

Мы все не можем видеть вас

Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой,

С какой – как в этом не сознаться?

Своею лучшею звездой

Вся Русь привыкла любоваться.

* * *

Великий день Кирилловой кончины
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?
Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...
Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.
И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святые
Его вспомняв, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!
Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам»...

13 февраля 1869

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть – две роковые силы,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Всю жизнь свою у них мы под рукой,

От колыбельных дней и до могилы,
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...:

Но Смерть честней – чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей – увы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах – в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу,

Да, горе ей – и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...

Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

11-ое МАЯ 1869

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Нас всех, собравшихся на общий праздник

снова,
Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зрения людского,
Стоя на горней высоте».
Будь это и для нас возвещено не всуе
Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски
торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был – всем братским
племенам.

11 мая 1869

* * *

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись,
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.
Май 1869

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь – очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест,
К стопам его свою обитель

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Благоговейно прислоня,

Живешь ты там – не праздный житель,

На склоне трудового дня.

И кто бы мог без умиленья

И ныне не почтить в тебе

Единство жизни и стремленья

И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний

Ты перенес и одолел...

Живи ж не в суетном сознанье

Заслуг своих и добрых дел;

Но для любви, но для примера,

Да убеждаются тобой,

Что может действенная вера

И мысли неизменный строй.

Август 1869

В ДЕРЕВНЕ

Что за отчаянные крики,

И гам, и трепетанье крыл?

Кто этот гвалт безумно-дикий

Так неуместно возбудил?

Ручных гусей и уток стая

Вдруг одичала и летит.

Летит – куда, сама не зная,

И, как шальная, голосит.

Какой внезапною тревогой

Звучат все эти голоса!

Не пес, а бес четвероногой,

Бес, обернувшийся во пса,

В порыве буйства, для забавы,

Самоуверенный нахал,

Смутил покой их величавый

И их размыкал, разогнал!

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И словно сам он, вслед за ними,

Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, попетит!
Какой же смысл в движенье этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?
Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.
Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.
16 августа 1869

* * *

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.
Август 1869

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
На ваши, братья, празднества,

Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованьем.
В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.
Примите же из рук ея
То, что и вашим прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила,
Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне
И вашей лучшею святыней
И вашей жизненной струей.
Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.
О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым,
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.
И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
– За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,
Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцов и правду божью!
И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Еще сносить ты осужден,

О чешский люд единокровный?
Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.
Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.
Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.
Около 24 августа 1869

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.
Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.
И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.
Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.
Пора разлуки миновала,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И мы не смеем, в добрый час,

Задеть и сдернуть покрывало,

Столь ненавистное для нас!

14 октября 1869

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,

Пушки празднично гремят,

Небо ясно, блещет море,

И ликует Цареград.

И недаром он ликует:

На волшебных берегах

Ныне весело пирует

Благодушный падишах.

Угощает он на славу

Милых западных друзей

И свою бы всю державу

Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека

Франкистанской их земли

Погулять на счет пророка

Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!

Здесь Европы всей привал,

Здесь все силы мировые

Свой справляют карнавал.

И при криках исступленных

Бойкий западный разгул

И в гаремах потаенных

Двери настезь распахнул.

Как в роскошной этой раме

Дивных гор и двух морей

Веселится об исламе

Христианский съезд князей!

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И конца нет их приветам,

Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!
И все ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима, дочь, его жена.
С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра
В сонме царственных гостей,
На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!
Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам,
Только там, где тени бродят
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...
Первая половина октября 1869

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

Спешу поздравить с неудачей:
Она – блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.
Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Не знают немцы лишь родные.

Ах нет, то знают и они;
И что в славянском враждебном мире
Вы совершили – вы одни,
Все ведают, et inde irae! ^{Λ1}
Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае
Везде, везде встречали вас.
И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,
Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить – непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?
17 декабря 1869

^{Λ1} Отсюда – гнев (лат.).

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так – гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.
В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется,
И хочет высказаться вслух...
Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...
Из тяжелой вырвавшись юдоли

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И все оковы разреша,

На всей своей ликует воле

Освобожденная душа...

По всемогущему призыву

Свет отделяется от тьмы,

И мы не звуки – душу живу,

В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

* * *

Так провидение судило,

Чтоб о величии грядущем

Великого славянского царя

Возвещено вселенной было

Не гласом грома всемогущим,

А звучным писком комара.

1860-е гг.

ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое

Готово вспыхнуть пламя; все молчит,

Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое

Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал – народ столпился гуще;

Вот все они – весь этот темный мир:

Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,

Ложь и насилье, рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь, и князей

Имперских и духовных сонм верховный,

И сам он, римский иерарх, в своей

Непогрешимости греховной.

Тут и она – та старица простая,

Не позабытая с тех пор,

Что принесла, крестясь и воздыхая,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит..
Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте,
Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он – и был необорим
За правду божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.
Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.
О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

15 – 17 марта 1870

* * *

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты
И звоном меди православной
Все огласились высоты.
Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И даже мерзость запустенья

Здесь райским крином расцвела.
Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.
Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденье
Живых тревожить здесь покой.
В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.
Начало июля 1870

К. Б.

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое
И сердцу стало так тепло..
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты..
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне..
Тут не одно воспоминанье,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Тут жизнь заговорила вновь,

И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!
Славянский мир, сомкнись тесней..
«Единство, – возвестил оракул наших дней,
Быть может спяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спясть его любовью,
А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

* * *

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером в руках.
Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

27 октября 1870

А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И от полуденного зноя

Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!
Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.
Начало ноября 1870

* * *

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.
Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом,
Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.
Но кончено ль противоборство?

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И как могучий ваш рычаг

Осилит в умниках упорство

И бессознательность в глупцах?

Ноябрь 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,

И ты ушел, куда мы все идем,

И я теперь на голой вышине

Стою один, – и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?

День, год-другой, – и пусто будет там,

Где я теперь, смотря в ночную тьму

И – что со мной, не сознавая сам..

Бесследно все – и так легко не быть!

При мне иль без меня – что нужды в том?

Все будет то ж – и вьюга так же выть,

И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,

Живая жизнь давно уж позади,

Передового нет, и я как есть,

На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

* * *

Давно известная всем дура

Неугомонная цензура

Кой-как питает нашу плоть

Благослови ее господь!

1870(?)

* * *

Впросонках слышу я – и не могу

Вообразить такое сочетанье,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
А слышу свист полозьев на снегу

И ласточки весенней щебетанье.

Январь или февраль 1871

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло,

Прошел событий целый ряд,

Но вера нас не обманула

И севастопольского гула

Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,

Он грянул вдруг, животворя;

Последнее в борьбе суровой

Теперь лишь высказано слово;

То слово – русского царя.

И все, что было так недавно

Враждой воздвигнуто слепой,

Так нагло, так самоуправно,

Пред честностью его державной

Все рушилось само собой.

И вот: свободная стихия,

Сказал бы наш поэт родной,

Шумишь ты, как во дни былые,

И катишь волны голубые,

И блещешь гордою красой!..

Пятнадцать лет тебя держало

Насилье в западном плену;

Ты не сдавалась и роптала,

Но час пробил – насилье пало:

Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовет и к делу нудит

Родную Русь твоя волна,

И к распре той, что бог рассудит,

Великий Севастополь будит

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам – и без урона
Бессмертный черноморский флот.
Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день,
Он – наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...
Начало марта 1871

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Был день суда и осужденья
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень,
И, божьим промыслом теснимый
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту,
Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...
О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась – и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.
О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кошунство зреет и соблазн растет.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
В испуге ищут правду божью,

Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.
И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, – и где исход?

.

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.
6 июля 1871

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...
Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.
Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезой природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

* * *

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.
29 декабря 1871

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ

Elle a ete douce devant la mort ^1

Многозначительное слово

Тобою оправдалось вновь:

В крушении всего земного

Была ты – кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной

Не оскудел, в последний час,

Твоей души любвеобильной

Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,

С какой себе не изменяя,

Ты до конца переносила

Весь жизни труд, всю злобу дня,

Та ж торжествующая сила

Благоволенья и любви,

Не отступив, приосенила

Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,

Все страхи смерти победив,

Навстречу ей шла благодушно,

Как на отеческий призыв,

О, сколько душ, тебя любивших,

О, сколько родственных сердец

Сердец, твоею жизнью живших,

Твой ранний поразит конец!

Я поздно встретился с тобою

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
На жизненном моем пути,

Но с задушевною тоскою

Я говорю тебе: прости.

В наш век отчаянных сомнений,

В наш век, неверием больной,

Когда все гуще сходят тени

На одичалый мир земной,

О, если в страшном раздвоенье,

В котором жить нам суждено,

Еще одно есть откровенье,

Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,

Так это – видим, верим мы

Исход души, тебе подобной,

Ее исход из нашей тьмы.

Начало марта 1872

Λ1 Она была кроткой перед лицом смерти (франц.).

* * *

День православного Востока,

Святись, святись, великий день,

Разлей свой благовест широко

И всю Россию им одень!

Но и святой Руси пределом

Его призыва не стесняй:

Пусть слышен будет в мире целом,

Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною

И ту долину захватя,

Где бьется с немощью злою

Мое родимое дитя,

Тот светлый край, куда в изгнанье

Она судьбой увлечена,

Где неба южного дыханье

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Как врачество лишь пьет она..

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней..

16 апреля 1872

* * *

Все отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873

БЕССОННИЦА

(ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла
И всюду водворилась мгла,
Все тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золоченых глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очн,
И сердце в нас подкидышем бывает
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Все вокруг него и пусто и темно!
Час и другой все длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

Апрель 1873

* * *

Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
И страшных нравственных тревог;
И жизнь над нами тяготеет
И душит нас, как кошмар.
Счастлив, кому в такие дни
Пошлет всемилосердый бог
Неоценимый, лучший дар
Сочувственную руку друга,
Кого живая, теплая рука
Коснется нас, хотя слегка,
Оцепенение рассеет
И сдвинет с нас ужасный кошмар
И отвратит судеб удар,
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.

Май 1873

Примечания к Собранию стихотворений

«Неверные преодолев пучины...»

Впервые – Соч. 1900, с. 13. Обращено к С. Е. Раичу (1792 – 1855) и написано по поводу окончания им перевода «Георгик» Вергилия (70 – 19 до н. э.). Долгое время скрывая свой труд от посторонних, Раич показывал его только Тютчеву. См.: С. Е. Раич. Автобиография. – «Русский библиофил», 1913, № 8, с. 24. Отдельное издание раичевского перевода «Георгик» вышло в свет в 1821 году. Древо Аполлона – лавр.

К оде Пушкина на Вольность.

Впервые – журн. «Русская старина», 1887, т. 56, октябрь, с. 129, с цензурными пропусками в 8 и 11 строках. Печатается по списку из тетради С. Д. Полторацкого (ГБЛ), сверенному с текстом, опубликованным в «Северных цветах» на 1903 год (с. 190 – 191) по другому списку. М. П. Погодин отметил в своем дневнике 1 ноября 1820 года разговор с Тютчевым о пушкинской оде «Вольность». См.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888, с. 194. В бумагах Погодина в ГБЛ имеется копия двух последних строф «Вольности» Пушкина, сделанная рукою Тютчева. Проснулся в лире дух Алцея... Тютчев сравнивает Пушкина с древнегреческим поэтом Алкеем (VI в. до н. э.), в одах которого были сильны тираноборческие мотивы.

Весеннее приветствие стихотворцам.

Впервые – «Труды Общества любителей российской словесности». 1822, ч. 1, кн. 2, с. 164 – 165. Печатается по первой публикации. В 1828 году в журнале «Русский зритель» (ч. 3, № 11 – 12, с. 195) была напечатана иная редакция стихотворения – под названием «Весна (посвящается друзьям)», без 4 и 5 строф, содержащих неуместный к тому времени намек на давние натурфилософские споры в кружке Раича, и с припиской, со стихотворением органически не связанной и являющейся своеобразным сопроводительным письмом:

Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..
А. Н. Муравьеву.

Впервые полностью – журн. «Русский зритель», 1828, ч. 4, № 13 – 14, с. 70 – 71. Первые две строфы были ранее приведены в статье Делибюрадера (Д. П. Ознобишина) «Отрывок из сочинений об искусствах», напечатанной в «Северной лире» на 1827 год, с. 358. Печатается по первой полной публикации. Хотя стихотворение посвящено А. Н. Муравьеву (1806 – 1874) (он был следующим после Тютчева учеником С. Е. Раича), оно вряд ли обращено к нему. Напрасно, критик, гонишь ты.. По предположению А. Е. Тархова, стихотворение направлено против основоположника школы русского исторического скептицизма М. Т. Каченовского (1775 – 1842), курсы которого по археологии и теории изящных искусств Тютчев слушал в Московском университете. В своих воспоминаниях о Тютчеве М. П. Погодин рассказывает, что поэт, сидя на лекциях Каченовского и не слушая профессора, «строчил на него эпиграммы». См.: «Московские ведомости», 1873, 29 июля, № 190. Из них сохранилась только незаконченная эпиграмма «Харон и Каченовский»:

Харон
Неужто, брат, из царства ты живых
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!
Каченовский
Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был – отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...
Послание к А. В. Шереметеву.

Впервые – сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 247–248. В списке из собрания Б. В. Томашевского, опубликованном в «Тютчевском сборнике» (Пг., 1923, с. 41 – 42) между строками 14 и 15 имеются еще две строки:

Хоть лень с Амуром часто в споре,
Но их нетрудно примирить.

Посвящено двоюродному брату поэта, А. В. Шереметеву (1800 – 1857), который служил в лейб-гвардии конной артиллерии, откуда он перешел на должность адъютанта при гр. П. А. Толстом (1761 – 1844), командующем пятым пехотным корпусом. Корпус был расквартирован в Москве, где проживали мать и сестры А. В. Шереметева. Герой-агроном – П. А. Толстой, бывший одним из главных деятелей Московского общества сельского хозяйства.

Слезы.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Впервые – альм. «Северная лира на 1827 год», с. 182 – 183. Печатается по первой публикации. В Совр. 1854–5 стихотворение вошло с некоторыми изменениями: в 5 – 6 строках вместо созданы погружены появилось созданы погружено, что противоречит смыслу стихов, в которых идет речь не об одном неведомом созданы, а обо всех творениях природы; поправка в 10 строке Весенний воздух вместо Зефир лобзаньем – была сделана из соображений стилистической модернизации, Однако это стихотворение с его зеницами, ланитами, небом серафимских лиц и т. д. осталось фактом русской поэзии начала 1820-х годов. Эпиграф заимствован из стихотворения «Alcaic fragment» («фрагмент из Алкея») английского поэта Т. Грея (1716 – 1771), ранние стихи которого написаны по-латыни. Пафосская царица – богиня красоты Афродита. В Пафосе, древней финикийской колонии на острове Кипр, находился посвященный Афродите храм, вокруг которого в изобилии росли розы.

«Не дай нам духу празднословья...»

Впервые – сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 417, под заглавием «Молитва». Первая строка является цитатой из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

Противникам вина.

Впервые – «Тютчевский сборник», Пг., 1923, с. 46.

Друзьям при посылке «Песни Радости» – из Шиллера.

Впервые – журн. «Галатеея», 1829, ч. 6, № 29, с. 153 – 154.

Проблеск.

Впервые – альм. «Урания на 1826 год», с. 147–148. Это стихотворение, как и два других, опубликованных в «Урании», было передано издателю альманаха М. П. Погодину самим Тютчевым во время его первого приезда из Мюнхена в Москву летом 1825 года. См.: М. П. Погодин. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869, с. 7. Написанное в первые годы пребывания за границей, стихотворение исполнено чувства тоски по родине, по юным годам, проведенным в литературно-философском кружке С. Е. Раича. Воздушная арфа (или Эолова арфа) – музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха.

К Нисе.

Впервые – альм. «Урания на 1826 год», с. 47 – 48. Печатается по первой публикации. Ниса – условно-поэтическое имя.

К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»).

Впервые – альм. «Северная лира на 1827 год», с. 87–88, с ошибочным чтением в 16 стихе (сжет вместо жжет). В. Я. Брюсов («Русский архив», 1898, вып. 10, с. 251) предложил читать в 11 строке «Твой взор живет» вместо «живит». Эта поправка, однако, искажает смысл фразы: «Как жизни ключ, в душевной глубине // Твой взор живит...», то есть производит оживляющее действие. К кому обращено стихотворение, не установлено. Г. И. Чулков высказал предположение, что оно написано под впечатлением любовного увлечения поэта А. М. Лерхенфельд (см.: Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева. М., 1928, с. 14).

14-ое декабря 1825.

Впервые – журн. «Русский архив», 1881, вып. 3, с. 340. Написано в связи с обнародованием приговора по делу декабристов. Стихотворение характерно для политических настроений молодого Тютчева. Неприятие тактики декабристов сочетается в нем с осуждением самовластья, своим произволом толкнувшего их на «безрассудную» попытку растопить «вечный полюс», «железную зиму» самодержавия и крепостничества. Ваша память от потомства, как труп в земле, схоронена. Намек на то, что место захоронения пяти казненных декабристов неизвестно. Это было первым шагом правительства по пути стирания имен декабристов в памяти народной. Стихотворению посвящена статья Г. И. Чулкова. См.: «Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928». Л., 1928, с. 61 – 78.

Вечер.

Впервые – журн. «Галатея», 1830, ч. 15, № 22, с. 41. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному С. Е. Раичу для помещения в «Галатее». В ранней редакции (2-й автограф ЦГАЛИ), датируемой 1826 – 1827 годами, 3 – 4 строки таковы:

Как шорох стаи журавлиной,

И в шуме листьев замер он.

Шум от стаи журавлиной – выражение, заимствованное у В. А. Жуковского («Ивиковы журавли», 42 строка).

«На камень жизни роковой...»

Впервые – журн. «Атеней», 1829, кн. 1, с. 61 – 62. В этом шуточном стихотворении Тютчев кратко рисует поэтический путь своего бывшего воспитателя С. Е. Раича. Обычно оно датируется 1822 годом, так как 29 апреля этого года Раич защитил магистерскую диссертацию, о которой упоминается в последней строфе. Н. В. Королева предполагает, что оно было создано в 1827 – 1828 годах, во время полемики вокруг раичевского перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, ибо стихотворение написано тем же размером, что и перевод Раича. Стих. Он так достиг земных венцов, по мнению Королевой, содержит намек на алмазные перстни, полученные Раичем от императрицы за альманах «Северная лира» и за перевод «Освобожденного Иерусалима». См.: Стих. 1962, с. 383. Однако вторым перстнем Раич был награжден уже после того, как стихотворение Тютчева было опубликовано. Мы датируем стихотворение 1827 годом, полагая, что оно было написано после того, как Раич был награжден перстнем за «Северную лиру», но до того, как им был закончен перевод «Освобожденного Иерусалима» (отрывки которого публиковались с 1825 г.). Предстал во храм Свободы – намек на связь Раича с Союзом благоденствия в 1818 – 1821 годах. Повесть... Орфеевой супруги имеется в виду рассказ об Орфее и Эвридике из IV книги переведенных Раичем «Георгик» Вергилия.

Весенняя гроза.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч.1, № 3, с. 151. В Совр. 1854-3 (с. 24), было опубликовано в новой редакции, ставшей хрестоматийной уже при жизни поэта. Раннюю редакцию^{Λ1} см. во вступительной статье. Геба (ант. миф.) – богиня вечной юности, разносившая богам нектар. Зевесов орел символ верховного божества Зевса.

^{Λ1} Поскольку упомянутая вступительная статья не включена в состав страницы, посвященной Ф.И.Тютчеву, ранняя редакция стихотворения приведена ниже – Ю.С.

Люблю грозу в начале мая;

Как весело весенний гром

Из края до другого края

Грохочет в небе голубом!

С горы бежит ручей проворный,

В лесу не молкнет птичий гам;

И говор птиц и ключ нагорный

Все вторит радостно громам!

Ты скажешь: ветренная Геба,

Кормя Зевесова орла,

Громокипящий кубок с неба,

Смеясь, на землю пролила.

Могила Наполеона.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч. 2, № 8, с. 86, с точками вместо 11 и 12 строки, обозначающими явный цензурный пропуск. Печатается по первой публикации. В Совр. 1854–5 вошло в несколько иной редакции, в которой вторая строфа выглядит так:

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

Вторая редакция была создана после первой через четверть века. Если в конце 1820-х годов еще явственно ощущался «отзывный гул» наполеоновских побед и «тьень» Наполеона была еще политической силой, то в 1854 году, когда его прах уже 14-й год покоился не на острове св. Елены, где он умер и был похоронен в 1821 году, а в Париже, от этого остался только исторический «гул». В связи с этим во второй редакции непосредственное обращение к Наполеону было устранено. Вторая редакция является результатом позднейшей переделки, произведенной без достаточного вдохновения (об этом говорит и тот факт, что Тютчев не восстановил стихи, выпущенные цензурой при первой публикации), учета контекста и под воздействием временных факторов. Перун (слав. миф.) – главное божество восточных славян, бог грома и молнии, покровитель воинов; в нарицательном употреблении символическое обозначение грома, как в данном стихотворении, или молнии (ср. «Успокоение». 2 строка).

Cache – cache.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч. 4, № 17, с. 50. Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в 17 строке (пылинки вместо былинки), сделанным впервые в тексте Совр. 1854–5 (с. 5). В 7 строке этого текста «для меры» была вставлена частица бы (волшебную близость, как бы благодать). Сильфиды (герм. миф.) – духи воздуха, легкие, подвижные существа.

Летний вечер.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч. 5, № 24, с. 150.

Видение.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч. 7, № 34, с. 144 слитно со стих. «Олегов щит» и с разбивкой всего текста на три части римскими цифрами. Атлас, или Атлант (ант. миф.) – гигант, держащий на своих плечах небесный свод. Живая колесница мироздания – планета Земля (перифраза восходит к поэтике классицизма; ср. «колесница дня» – солнце, «колесница ночи» – луна).

Олегов щит.

Впервые – журн. «Галатея», 1829, ч. 7, № 34, с. 144. В альм. «Раут на 1854 год» (с. 430) стихотворение было помещено в новой редакции. Написано, видимо, по поводу русско-турецкой войны 1828 – 1829 годов или предшествовавших ей событий 1827 года. Как и в одноименном стихотворении Пушкина, в нем вспоминается летописное сказание о щите, прибитом киевским князем Олегом на городских воротах Константинополя. Гяуры – турецкое название иноверцев, немусульман. Как некогда ты вел в пустыне // Свой избранный народ – имеется в виду еврейский народ, выведенный, по библейскому преданию, Моисеем из египетского плена через пустыню.

Бессонница.

Впервые журн. «Галатея», 1830, ч. XI, № 1, с. 47 – 48.

Утро в горах.

Впервые – журн. «Галатее», 1830, ч. 13, № 13, с. 90, слитно со стихотворением «Снежные горы», под общим названием «В горах» и с пометой «Салцбург». Написано, видимо, как и следующее, во время поездки в Тироль в январе 1828 года (см. об этой поездке в кн.: Пигарев 1962, с. 99).

Снежные горы.

Впервые – журн. «Галатее», 1830, ч. 13, № 13, с. 91, как одно целое со стих. «Утро в горах» (см. выше). Публикуемая в настоящем издании редакция стихотворения была прислана И. С. Гагарину в мае 1836 г. и опубликована А. С. Пушкиным в «Современнике» (т. 3, с. 7). В тексте первой публикации имеется еще одна строфа (вторая):

Едва в трепещущих листьях

Перебирается прохлада,

Звонок пасущегося стада

Почти замолк на высотах.

От этой строфы Тютчев, по-видимому, впоследствии отказался, ибо она выделялась по своему способу рифмовки. Дольний (церк. – кн.) – земной, человеческий.

Полдень.

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 10. Полдневный час считался священным у древних греков: в этот час отдыхал Пан, бог долин, лесов, стад и пастухов.

Сны («Как океан объемлет шар земной...»).

Впервые – журн. «Галатее», 1830, ч. 16, № 27, с. 57. Печатается по первой публикации. Б. М. Эйхенбаум указывал на связь этого стихотворения со стихотворением А. Ламартина «Les étoiles». См.: Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Л., 1924, с. 162.

Двум сестрам.

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 40. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному в конце 1820-х годов С. Е. Раичу для помещения в «Галатее». В другом автографе (ЦГАЛИ) 4 строка читается: «Та ж прелесть утреннего часа». Перекликается со стихотворением Г. Гейне «Als ich, auf der Reise, zufällig...» См.: А. А. Николаев. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822 – 1836 годов... – «Русская литература», 1979, № 1, с. 134.

К Н. Н.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 137. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному в конце 1820-х годов С. Е. Раичу. К кому обращено стихотворение – не установлено.

«Еще шумел веселый день...»

Впервые – журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 237. Одна из ранних редакций (конец 1820-х гг.), имеющая заглавие «Пробуждение», такова:

Еще шумел веселый день,

Толпами улица блистала,

И облаков вечерних тень

По светлым кровлям пролетала.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Весенней негой утомлен,

Вдался я в сладкое забвенье:

Не знаю, долог ли был сон,

Но странно было пробужденье.

Безмолвно в сумраке ночном

Ходило лунное сиянье,

И ночи зыбкое молчанье

Едва струилось ветерком.

Украдкою в мое окно

Глядело бледное светило

И мне казалось, что оно

Мою дремоту сторожило.

И между тем какой-то гений

Из области цветущей дня

Стезью тайной сновидений

В страну теней увел меня.

Последний катаклизм.

Впервые – альм. «Денница на 1831 год», с. 89.

Безумие.

Впервые – альм. «Денница на 1834 год», с. 185. Перекликается с позднейшим стихотворным обращением к А. А. Фету «Иным достался от природы...». В обоих случаях создан излюбленный в мистической символике образ водоискателя – человека, умеющего распознавать в безводных местах подземные источники ключевой воды. См. вступительную статью Б. Я. Бухштаба в ПСстих. 1957, с. 25 – 26.

«Здесь, где так вяло свод небесный...»

Впервые – под заглавием «В дороге» – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 127. Написано, по-видимому, во время поездки в Париж в октябре 1829 года.

Странник.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 127.

Успокоенне.

Впервые – альм. «Денница на 1831 год», с. 51.

«Как над горячею золой...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 15. Автограф из собрания И. С. Гагарина (ЦГАЛИ) датируется по почерку началом 1830-х годов. В автографе, посланном С. Е. Раичу около 1830 года (ЦГАЛИ), последний стих читается иначе: «я просиял бы – и угас!»

Цицерон.

Впервые – альм. «Денница на 1831 год», с. 40. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), датируемому по почерку началом 1830-х годов. В тексте первой публикации имеется

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
вариант 9 строки: «Блажен, кто посетил сей мир». Существует предположение, что данное стихотворение является «прямым и непосредственным откликом» на Июльскую революцию 1830 года во Франции. См.: Д. Благой. Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933, с. 207. Этому, однако, противоречит тот факт, что стихи для альманаха «Денница» были обещаны Тютчевым в первых числах 1830 года. См. письмо П. В. Киреевского из Мюнхена к родным от 5 января 1830 года. – «Русский архив», 1905, вып. 2, с. 131. Об интересе Тютчева к Цицерону свидетельствует хранящееся в библиотеке Мурановского музея принадлежавшее поэту издание писем Цицерона в немецком переводе. Анализ стихотворения с обоснованием его текста см. в статье: А. А. Николаев. Художник – мыслитель – гражданин. «Вопросы литературы», 1979, № 1, с. 119 – 125. «Я поздно встал» и т. д. перефразировка слов Цицерона: «Скорблю, что, вступив на жизненную дорогу с некоторым опозданием, я прежде, чем был окончен путь, погрузился в эту ночь республики» («Брут, или Диалог о знаменитых ораторах», XCVI, 330). Закат звезды ее кровавый! «Кровавый закат звезды Римской Славы» – это гибель потопленной в крови гражданской войны 48 – 45 годов до н. э. римской аристократической республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря. Капитолийская высота центральный из семи холмов, на которых расположен Рим. На нем находилось главное римское святилище – храм Юпитера Капитолийского. Мотив второй строфы заимствован из «Богов Греции» Шиллера.

Весенние воды.

Впервые – журн. «Телескоп», 1832, ч. 10, № 13, с. 22 – 23. В тексте первой публикации в состав прямой речи (возгласов «гонцов молодой Весны») входит также третья строфа. В автографе (ЦГАЛИ) эта строфа начинается с кавычки, но закрывающая кавычка отсутствует.

Silentium!

Впервые – газ. «Молва», 1813, № 33, 16 марта, с. 22. Публикуемая в настоящем издании автографическая редакция стихотворения относится к началу 1830-х гг.; впервые она была напечатана в пушкинском «Современнике» (1836, т. 3, с. 16). В изд. 1854 года стихотворение вошло в так называемой «сушковско-тургеневской» редакции, в которой были выправлены стихи, выпадавшие из ямбической схемы:

Молчи, скрывайся и таи

И чувства и мечты свои!

Пускай в душевной глубине

И всходят и зайдут оне,

Как звезды ясные в ночи:

Любуйся ими и молчи.

.

Лишь жить в самом себе умей!

Есть целый мир в душе твоей

Таинственно-волшебных дум;

Их заглушит наружный шум,

Дневные ослепят лучи:

Внимай их пенью и молчи!

Аналогичным изменениям стихотворение подверглось, видимо, и при первой публикации.

Молчи, скрывайся и таи

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И мысли и мечты свои!

Пускай в душевной глубине
Встают и кроются оне,
Как звезды мирные в ночи,
Любуйся ими – и молчи.

.

Лишь жить в самом себе умей
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум
Их оглушит житейский шум,
Разгонят дневные лучи,
Внимай их пенью – и молчи!..

Стихотворению посвящена специальная статья Н. В. Королевой. См.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 147 – 159. См. также: Я. О. Зунделович. Этюды о лирике Тютчева. Самарканд, 1971, с. 74 – 83.

Сон на море.

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 20. В изд. 1854 вошло в другой редакции, в которой было устранено чередование разных трехсложных размеров (дактили и анапесты были выправлены на доминирующий амфибрахий):

И море и буря качали наш челн;
я, сонный, был предан всей прихоти волн.
И две беспредельности были во мне
И мной своевольно играли оне.
Кругом, как кимвалы, звучали скалы
И ветры свистели и пели валы.
Я в хаосе звуков летел оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон..
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой,
В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зеленела, светился эфир..
Сады, лабиринты, чертоги, столпы..
И чудился шорох несметной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц:
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья я гордо шагал,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И мир подо мною недвижно сиял...

Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

Отредактировал стихотворение, по всей вероятности, Н. В. Сушков в период его работы над рукописью неосуществленного издания стихотворений Тютчева (см. СТ), ставшей основным источником текста изд. 1854. См.: К. В. Пигарев. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. – «Литературное наследство», 1935, т. 19 – 21, с. 379. Вместе с тем в тексте изд. 1854 имеются два собственных варианта (14 и 17 строки), первый из которых, несомненно, принадлежит автору («И чудился шорох несметной толпы»), а второй введен в угоду цензуре («По высям творенья я гордо шагал» вместо «как бог, я»). В Лирике 1965 (т. 1, с. 357) стихотворение датировано сентябрем 1833 года, когда Тютчев совершил первое морское путешествие (с дипломатическим поручением в Грецию). Однако почерк автографа, его местоположение среди других рукописей и наличие списка стихотворения в раичевском собрании говорят о том, что оно было написано не позднее 1830 года. Литературным источником стихотворения является стих. Ф. Н. Глинки «Сон», впервые опубликованное в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1820, № 11, с. 206. Огневица (диалект.) – бред, горячка. Сады-лабиринфы (лабиринты) сады с затейливым, путаным расположением дорожек.

Конь морской.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 136 – 137. В соч. 1900 помещено среди переводных, однако иностранный источник стихотворения неизвестен.

«Душа хотела б быть звездой...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 14. Образ звезды, светящейся днем, переключается с образом дневного месяца в стих. «Ты зрел его в кругу большого Света...»

«За нашим веком мы идем...»

Впервые – журн. «Галатее», – 1830, ч. 18, № 40, с. 134, по ошибке – как заключительные строки перевода стихотворения Гейне «Вопросы». Как шла Креува ва Энеем. Эней и Креуза – персонажи эпопеи Вергилия «Энеида». Когда Эней покинул Трои, его жена Креуза последовала за ним, но все время отставала в пути и наконец исчезла. Ее взяла к себе мать Энея Афродита, так как Креузе не было предназначено покинуть Трои.

«Через ливонские я проезжал поля...»

Впервые – журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 395 – 396. Написано на обратном пути из Петербурга за границу в октябре 1830 года. Ливонские поля. Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии. Кровавую и мрачную ту пору... Тютчев имеет в виду тот период, когда Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского ордена меченосцев (1202 – 1562); Пустынная река – Западная Двина. Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный... – видимо, библейский отрок Самуил (1-я книга Царств, глава 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение бога.

«Песок сыпучий по колени...»

Впервые – журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 397. Написано на обратном пути из Петербурга в Мюнхен в октябре 1830 года. Ночь хмурая, как зверь стокий, // Глядит из каждого куста! – вариация двух стихов из стихотворения Гете «willkommen und Abschied» («Свидание и разлука»). Аналогичная реминисценция имеется в поэме Лермонтова «Мцыри». Прочитав стихотворение «Песок сыпучий по колени...» в своей статье о Тютчеве, Некрасов заметил: «два заключительных стиха... одни составляют целую превосходную картину. Кто не согласится, что рядом с ними эти похожие стихи Лермонтова:

И миллионом темных глаз

Смотрела ночи темнота

Сквозь ветви каждого куста,

значительно теряют в своей оригинальности и выразительности». См.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, с. 207.

Осенний вечер.

Впервые – журн. «Современник», 1840, т. 19, с. 187. В первоначальной редакции (автограф ЦГАЛИ), строки 7 – 8 читались иначе:

И как предвестье близящихся бурь

Порывистый и ясный ветр порою..

Написано в октябре 1830 года на пути из Петербурга в Мюнхен. Божественной стыдливостью страданья – ср. 163 строку тютчевского перевода стихотворения «Байрон» (из Цедлица).

Листья.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 129.

Альпы.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 130 – 131. Н. Аммон и Р. Ф. Брандт усматривают в этом стихотворении иносказательный смысл, считая, что «Альпы изображают славянские племена» См.: Н. Аммон. Несколько мыслей о поэзии Тютчева. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1899, июнь, с. 463; Р. Ф. Брандт. Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия». – «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1911, т. 16, кн. 2, с. 168 – 169.

Maie Aria.

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 131. Ранее во всех изданиях в 10 строке ошибочно печаталось цвета вместо цветы. Стихотворение навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (см.: «Коринна, или Италия», М., 1969, с. 87).

«Сей день, я помню, для меня...»

Впервые – журн... «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 131. Кого имеет в виду Тютчев в этом стихотворении, не установлено. Перекликается со стихотворением Гете «Wag schoner als der schonste Tag...»

«Как дочь родную на закланье...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 3, с. 385 – 386. Вызвано взятием Варшавы русскими войсками 26 августа 1831 года и антирусской кампанией, развернувшейся в связи с этим в баварской печати. Как дочь родную на закланье и т. д. В «Илиаде» Гомера рассказывается о том, как аргосский царь Агамемнон разгневал богиню Артемиду и, дабы вымолить попутных ветров для отплытия под Трою, дал обет принести ей в жертву свою дочь Ифигению. Сжалившаяся над Ифигенией Артемиды заменила ее на жертвеннике ланью и перенесла в Тавриду, где сделала своей жрицей. Коран самодержавья... Слово коран (священная книга мусульман) употреблено здесь в переносном смысле (права, кажущиеся бесспорными). Янычары – солдаты, составлявшие привилегированную часть турецкого войска, постоянные участники мятежей и дворцовых переворотов. Феникс (ант. миф.) – птица, возрождающаяся из собственного пепла.

«На древе человечества высоко...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 133. Содержание стихотворения

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru не оставляет сомнений в том, что оно вызвано смертью Гете. В 1820-х – начале 1830-х годов творчество Гете привлекало к себе пристальное внимание Тютчева (см. раздел «Переводы»).

Probleme.

Впервые – журн. «Русский архив». 1879, вып. 5, с. 134, в автографе первоначальной редакции (ЦГАЛИ), датированном 15 января 1833 года, четвертая строка была иной: " Или низвергнут мыслящей рукой? " По мнению Н. Я. Берковского (Стих. 1962, с. 40), стихотворение «перекликается с известным высказыванием Б. Спинозы в письме к Г. Г. Шуллеру: „обладай летящий камень сознанием, он вообразил бы, что летит по собственному хотению“.

„Над виноградными холмами...“

Впервые – журн. „Современник“, 1837, т. 6, с. 398. Написано в г. Ротенбурге.

„Поток сгустился и тускнеет...“

Впервые – журн. „Современник“, 1836, т. 3, с. 19.

„О чем ты воешь, ветер ночной?..“

Впервые – журн. „Современник“, 1836, т. 3, с. 18. В автографе (ЦГАЛИ) в строках 9 – 12 иная пунктуация, существенно изменяющая понимание стихотворения:

О! страшных песен сих не пой!

Про древний хаос, про родимый

Как жадно мир души ночной

Внимает повести любимой!

„Ты зрел его в кругу большого Света...“

Впервые – газ. – журн. „Гражданин“, 1875, № 2, с. 38 (первое восьмистишие) и журн. „Русский архив“, 1879, вып. 5, с. 128 (второе восьмистишие). До настоящего времени эти восьмистишия печатались как отдельные стихотворения и с разбивкой каждого на строфы, чего нет в автографе (ЦГАЛИ). И в первом и во втором восьмистишии образ поэта сравнивается с месяцем, едва брезжащим в дневные часы и ярко сияющим ночью. Однако первое обращено к другу, а второе – к возлюбленной. Таким образом, эти восьмистишия являются не отдельными стихотворениями и не строфами одного стихотворения, а частями оригинальной двухчастной композиции (ср. композицию стихотворения „Два голоса“), каждая из которых представляет собой вариацию на тему „поэт и светское общество“ и построена на противопоставлении „дневного“ и „ночного“ облика поэта. Тема поэта и „большого Света“ сближает это стихотворение со стихами Пушкина „Поэт“ (1827) и „Поэт и толпа“ (1828). Романтический образ поэта, созданный в стихотворении, при всей своей обобщенности не лишен и некоторых черт автобиографичности. Возможно, что образ месяца, видимого днем, подсказан Тютчеву чтением 31 главы III части „Путевых картин“ Гейне. Эту главу Тютчев переложил стихами (см. раздел „Переводы“). О других перекличках этого образа в мировой лирике см. статью М. П. Алексеева „Дневной месяц“ у Тютчева и Лонгфелло» в кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, с. 153 – 167.

«Душа моя, Элизиум теней...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 41. До настоящего времени 1-я строка печаталась с тире после слова «моя» вместо запятой, что превращало приложение в сказуемое. Элизиум (ант. миф.) – местопребывание праведных душ в царстве теней. Ни помыслам години буйной сей. Стихотворение, по всей вероятности, написано в 1831 году. Автограф его находится в одной рукописи со стихотворением «Как дочь родную на закланье...», посвященным польскому восстанию 1831 года. П. Н. Сакулин считал, что в этой строке имеется в виду июльская революция 1830 года. См.: П. Сакулин. Русская литература и социализм. М., 1924, с. 468.

Арфа скальда.

Впервые – журн. «Современник», 1838, т. 12, с. 91. Скальды древнескандинавские народные певцы.

«Я лютеран люблю богослуженье...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135. Написано на озере Тегерн, неподалеку от Мюнхена. Созданный в этом стихотворении образ Веры, покидающей свой пустой дом (а убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений), возник у Тютчева, по-видимому, не без влияния его бесед с Шеллингом. Ср. К. Фишер. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1905, с. 254. Позднее Тютчев писал о протестантстве (в статье «Папство и римский вопрос»): «Протестантство с его многочисленными разветвлениями, которого едва хватило на три века, умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало...». См.: ПССоч. 1913, с. 476.

«Восток белел... Ладья катилась...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 37. Написано, по-видимому, в первые годы увлечения Эрнестиной Пфедфель, то есть в 1833–1834 годах. Ветрило (устар.) – парус.

«Что ты клонишь над водами...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 34.

«И гроб опущен уж в могилу...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 36.

«В душном воздуха молчанье...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 32. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В тексте первой публикации имеются варианты, являющиеся, по-видимому, результатом редакторской правки: 4-я строка – «Звонче голос стрекозы»; 9-я строка – «Жизни некий преизбыток». Эпитет звонкий не приложим к «голосу стрекозы», между тем как тютчевский эпитет резче более точно передает и качество звучания стрекозиноного стрекота и его восприятие обостренным в предгрозовой тишине слухом. О. Э. Мандельштам, не знавший авторского варианта этого стиха, писал в одном из своих стихотворений: «Дайте Тютчеву стрекозу, – догадайтесь, почему!»

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...».

Впервые под заглавием «Ночные голоса» – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 134.

«Как птичка, раннею зарей...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 38 – 39.

«Вечер мгlistый и ненастный...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 35

«Там, где горы, убегая...»

Впервые – журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 393 – 394. Печатается по списку МА с поправками поэта, но с исправлением ошибки переписчика в 25-й строке по автографу (ЦГАЛИ): и лишь дремой... вместо чуть дремотой.

«Тени сизые смесились...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125, под заглавием «Сумерки», данным стихотворению И. С. Аксаковым. В 11 строке ранее ошибочно печаталось томный вместо темный. Строки 5 – 6 первоначально читались так:

Лишь мотыль снует незримый

Слепо в воздухе ночном.

«Нет, моего к тебе прирастать...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135. Синель (диалект.) – сирень.

«Сижу задумчив и один...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 132.

«С поляны коршун поднялся...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125. Тема, композиция и образы этого стихотворения близки к стихам А. Д. Илличевского (1798–1837) «Орел и человек» («Северные цветы на 1827 год», с. 291).

«Какое дикое ущелье!..»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125.

«Все бешеной буря, все злее и злей...»

Впервые – Нов. стих. 1926, с. 45. Имея в виду балладный характер стихотворения, не типичный для лирики Тютчева, Г. И. Чулков предположил, что оно переводное. Но иностранный источник стихотворения до сих пор не установлен. Возможно, что оно написано под влиянием ирландских баллад С. Ловера («Legends and Stories of Ireland», Dublin, 1831).

«Из края в край, из града в град...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135 – 136. Вариация на тему стихотворения Гейне «Es treibt dich fort // Von Ort zu Ort...» (1834).

«Зима недаром злится...»

Впервые – журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 124.

Фонтан.

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 9.

«Яркий снег сиял в долине...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 17.

«Не то, что мните вы, природа...»

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 21 – 22. Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, ибо отсутствие этих строк нарушало композиционную цельность стихотворения. См.: Е. Рыскин. Из истории пушкинского «Современника». "Русская литература", 1961, № 2, с. 199. В 1851 году Н. В. Сушков, редактируя рукопись собрания стихотворений Тютчева (СТ), просил автора вспомнить недостающие строфы, но поэт или не смог их восстановить в своей памяти или не захотел их печатать. См.: К. В. Пигарев. Судьба литературного наследия Тютчева. – "Лит. наследство", 1935, тт. 19–21, с. 377. Печатается по первой публикации с исправлением ошибок по списку СТ, в котором они исправлены рукою самого Тютчева. Перепечатывая стихотворение в своей статье "Русские второстепенные поэты" ("Современник", 1850, № 1), Н. А. Некрасов внес поправку в 31 строку ("Увы, души в нем не встревожит" вместо "Души его, ах, не встревожит"). Эта поправка, сделанная с целью синтаксического упрощения фразы, не была замечена Тютчевым, когда он просматривал список СТ. Между тем она вступила в противоречие с тоном и смыслом стихотворения, имеющего уничтожающий противников финал. Некрасовское же сожалительное «увы» вместо «ах» лишило заключительную фразу ее гневной интонации. Стихотворение является программным

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru для всей натурфилософской лирики Тютчева. Оно проникнуто идеей действующей по внутренним причинам живой материи, что характерно для философии тождества Шеллинга, с которым Тютчев часто общался в 1828 – 1836 годах. Неприемлемость с ортодоксально-церковной точки зрения пантеистических взглядов позволяет объяснить, почему стихотворение подверглось цензурному вмешательству. Более сложным оказался вопрос об адресате, месте и времени написания стихотворения. Некоторые исследователи считают, что у стихотворения нет конкретного адресата, что оно направлено против всех, кто недооценивает природу. См., например: В. Н. Касаткина. Поэтическое мировоззрение Тютчева. Саратов, 1969, с. 48. Однако, как верно писал Л. В. Пумпянский, ода-инвектива всегда направлена «против определенного врага по определенному поводу». См.: «Урания. Тютчевский альманах. 1803 – 1829». Л., 1928, с. 26. В последние годы обнаружилась тенденция искать адресата стихотворения в России середины 1820-х годов. См.: А. Тархов. Три загадки одного стихотворения. – «В мире книг», 1978, № 12, с. 86; И. Шайтанов. Забытый спор. – «Вопросы литературы», 1980, № 2, с. 195–232. Однако отсутствие рукописи стихотворения в раичевском собрании говорит о том, что оно было написано не ранее 1830 года. Текстуальный анализ стихотворения показывает, что оно направлено против дискриминации природы объективно-идеалистическим учением Гегеля, который видел в природе нечто пассивное, мертвое, зависимое от бесконечной творческой деятельности духа, абсолютной идеи. См.: А. А. Николаев. Художник – мыслитель – гражданин. «Вопросы литературы», 1979, № 1, с. 125 – 139.

"Я помню время золотое..."

Впервые – журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 11 – 12, с ошибкой в 6 строке: вдаль вместо в дол. Слово вечер в 13 строке было исправлено в изд. 1868 на ветер. Печатается по копии И. С. Гагарина с несохранившегося автографа окончательной редакции (ЦГАЛИ) и с поправкой изд. 1868. Первоначальная редакция состояла только из первых трех строф. Обращено к баронессе А. М. Крюденер и посвящено первым встречам с нею в 1822 – 1823 годах.

"Еще земли печален вид..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1879, вып. 5, с. 126.

"Люблю глаза твои, мой друг..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1879, вып. 5, с. 126. Обращено, по-видимому, к Эрн. Пфеффель.

"И чувства нет в твоих очах..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1879, вып. 5, с. 126. Обращено, по всей вероятности, поэтом к самому себе и написано в первые годы увлечения Эрн. Пфеффель.

"Вчера, в мечтах обвороженных..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1879, вып. 5, с. 133 – 134. В автографе (ЦГАЛИ) последняя строфа первоначально читалась так:

Вдруг животрепетным сияньем

Коснувшись девственных грудей,

Румяным, громким восклицаньем

Раскрыло шелк твоих очей!

Тема и образы стихотворения навеяны стихами В. Г. Бенедиктова "Прекрасна дева молодая..." (из цикла "Три вида").

29-ое января 1837.

Впервые – газ. – журн. «Гражданин», 1875, № 2, 13 января, с. 38. Вызвано трагической гибелью Пушкина, но написано, видимо, не в Мюнхене, а во время пребывания в Петербурге в мае – июле 1837 года, под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта.

1-ое декабря 1837.

Впервые – журн. «Современник», 1838, т. 9, с. 138. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В «Современнике» 4-я строка была напечатана иначе: "что, жизнь твою убив, ее испепелило". Данный вариант представляется либо ошибкой, либо редакторской поправкой. Написано в Генуе после свидания с Эрн. Пфеффель. Тютчев предполагал, что расстанется с нею навсегда, но в 1839 году она стала второй женой поэта.

Итальянская villa.

Впервые – журн. «Современник», 1838, т. 10, с. 184. Связано с предыдущим стихотворением и относится ко времени пребывания Тютчева и Эрн. Пфеффель в Генуе. Тенью элисейской, то есть подобно душе, блаженствующей в элизиуме (см. примечание на с. 313).

"Давно ль, давно ль, о Юг блаженный..."

Впервые – журн. «Современник», 1838, т. 9, с. 131 – 132. 3 строка ввиду ее двусмысленности была изменена по цензурным соображениям ("и как Эдем ты растворенный"). Написано в декабре 1837 года по возвращении из Генуи в Турин.

"Смотри, как запад разгорелся..."

Впервые – журн. «Современник», 1838, т. 11, с. 181. Р. Ф. Брандт (указ. соч., с. 176) усматривал в этом стихотворении политический подтекст: символическое изображение "разлада между западом и востоком европейским".

Весна.

Впервые – журн. «Современник», 1839, т. 13, с. 169 – 170.

День и ночь.

Впервые – журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 140.

"Не верь, не верь поэту, дева..."

Впервые – журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 154 – 155. Перекликается со стихотворением В. И. Красова "не гляди поэту в очи..." (1838).

Лебедь.

Впервые – журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 139. Высокий одический строй стихотворения и наличие в нем противопоставления лебедя и орла как символов лирического и гражданского начал, характерного для поэтики классицизма и унаследованного многими романтиками, а также связь центрального образа – лебедя между двух стихий – с образом лебедя в тютчевском переводе из Цедлица «Байрон» (4 строфа) позволяли относить это стихотворение к концу 1820-х годов. Однако отсутствие рукописи стихотворения в ранчевском и гагаринском собраниях говорит о том, что оно, как и подавляющее число других тютчевских стихотворений, опубликованных в «Современнике» 1838 – 1840 годов, было написано в конце 1830-х годов. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей (ср. 20-ю оду Горация и стихотворение Г. Р. Державина «Лебедь» 1804 года).

"С какую негою, с какой тоской влюбленный..."

Впервые – журн. «Современник», 1840, т. 20, с. 299. Обращено к Эрн. Тютчевой. Со своей будущей второй женой Эрн. Пфеффель (в первом браке Дернберг) Тютчев сблизился еще в 1833 году. В том же году она овдовела. В 1836 году их роман получил в Мюнхене широкую огласку, в связи с чем несколько пошатнулось психическое здоровье Элеоноры Тютчевой и она пыталась покончить жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ударов кинжалом в грудь (см.: Пигарев 1962, с. 90 – 91). Стихотворение написано после смерти Элеоноры Тютчевой (август 1838 года). В первых трех строфах Тютчев опсывает одну из первых встреч с Эрн. Дернберг, причем говорит о себе в 3-м лице, а в четвертой, переходя к речи от

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
первого лица множественного числа, пишет об общности их судеб ("Что будущность
для нас обоих берегла"), намекая на то, что они стали принадлежать друг другу
ценой двух жизней – ее мужа и его жены.

"Живым сочувствием привета..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 5 – 6. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), датируемому 1857 годом. Обращено к великой княгине. Марии Николаевне, дочери Николая 1, с которой Тютчев встречался осенью 1840 года в местечке Тегернзее под Мюнхеном. В тексте первой публикации имеются разночтения: в 16 строке – блеснет вместо мелькнет; в 23 строке – служить вместо любить. Второе исправление, резко изменившее смысл стихотворения, по-видимому, принадлежит И. С. Аксакову, который в 1858 году редактировал "Русскую беседу". Аксаков явно смутила антитеза 2 строфы ("Поэт, я знаю, суеверен, // Но редко служит он властям"), в свете которой он прочитал все стихотворение. Как и в ряде других стихотворений 1830-х годов, Тютчев рисует обобщенный образ романтического поэта с его мечтой о высокой любви и независимым отношением к большому Свету. Одержимый своей мечтой о «неземной» любви и лишь порой "доступный страстям людей", поэт противопоставляет любви к "земным кумирам" – "боготворенье всемогущей красоты" женщины. Этим и объясняется антитеза Любить – Боготворить. Аксаков истолковал это стихотворение в узкобиографическом контексте, в котором его можно расценить как проявление светской любезности. Однако связь с биографией поэта здесь иная. Строка "Пускай любить он не умеет" говорит о том, что при всей своей преданности идее и идеалу любви поэт непостоянен в своих "земных страстях" и что объект его страсти может стать ее жертвой (ср. стих. "Не верь, не верь поэту, дева..."). Стихотворение написано через два года после смерти первой жены Тютчева Элеоноры.

К Ганке.

Впервые – в сб. "Русская беседа", СПб., 1841, т. 2, с. 4 – 5 второй пагинации. Написано в августе 1841 года, когда Тютчев совершил поездку из Мюнхена в Прагу, где познакомился с выдающимся деятелем чешского национального возрождения В. Ганкой (1791 – 1861). Это стихотворение, вписанное автором в альбом Ганки перед отъездом из Праги, было первым поэтическим обращением Тютчева к славянам. Поездка в Прагу окончательно укрепила ранее зародившийся интерес Тютчева к историческим судьбам славянских народов. С этого времени славянская тема стала одной из основных тем его политической лирики и публицистики. Первой публикацией стихотворения до последнего времени считалась публикация в журнале "Русская беседа", 1858, ч. 4, кн. 12, с. 1 – 3. Публикация 1841 года не была замечена большинством читателей в связи с тем, что стихотворение вошло только в единичные экземпляры сборника "Русская беседа". Это объясняется тем, что панславистские идеи не находили поддержки в официальных кругах России. В мае 1867 года, в дни Славянского съезда, Тютчев сделал к стихотворению следующую «Припнску»:

Так зывал я, так гласил я.

Тридцать лет с тех пор ушло

Все упорнее усилья,

Все назойливее зло.

Ты, стоящий днесь пред богом

Правды муж, святая тень,

Будь вся жизнь твоя залогом,

Что придет желанный день.

За твое же постоянство

В нескончаемой борьбе

Первый праздник Всеславянства

Приношеньем будь тебе!..

Внешним поводом для "Первого праздника Всеславянства" послужила организация Этнографической выставки в Москве, в состав которой был включен славянский отдел; на выставку прибыла депутация различных славянских народностей Балкан и Западной Европы. Вопреки надеждам славянофилов реального значения эта "всеславянская сходка" не имела.

Знамя и слово.

Впервые – "Zeitschrift für slavische Philologie", 1929, Bd. 5, S. 408. Посвящено К.-А. Фарнгагену фон Энзе (1775 – 1858). В молодости он служил в русской армии и участвовал в войнах против Наполеона. Впоследствии своими переводами сочинений русских писателей способствовал распространению русской литературы в Германии.

Колумб.

Впервые – Совр. 1854-3, с. 39. Вариация заключительных строк стихотворения Шиллера «Columbus»: "С гением природа в вечном союзе, – что один обещает, сдержит наверное другая".

"Глядел я, стоя над Невой..."

– Совр. 1854-3, с. 26 – 27. Первое стихотворение, написанное Тютчевым по приезде из-за границы в Петербург.

Море и утес.

Впервые – журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 238. Ранее, в газете "Русский инвалид" от 7 сентября 1848 года, в анонимном фельетоне была опубликована последняя строфа стихотворения. Печатается по списку СТ с несохранившегося автографа окончательной редакции с уточнением по автографу (ЦГАЛИ). Отклик на западноевропейские революционные события 1848 года. Образы моря как символа революционного Запада и утеса как символа самодержавной России, мощь которой поэт считал в те годы незабываемой, подсказаны незадолго до того напечатанным стихотворением Жуковского "Русскому великану". Оба стихотворения являются поэтическими переложениями манифеста Николая I, изображавшего Россию утесом среди бурной революционной анархии. См.: М. Поляков. Цена пророчества и бунта. М., 1975, с. 463. Однако у Жуковского политическая аллегория выступает более обнаженно и подчеркивается самим заглавием, тогда как у Тютчева поэтическая сила образов по существу устраняет необходимость исторического комментария. Параллельный анализ стихотворения см.: Д. Благой. Три века, с. 217 – 220.

"Еще томлюсь тоской желаний..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 288. Написано в десятую годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер. Смерть жены была тяжким ударом для поэта. "Есть ужасные години в существовании человеческого, – писал Тютчев Жуковскому 6/18 октября 1838 года. – Пережить все, чем мы жили – жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы – и что ужаснее) Все пережить и все-таки жить" (Стих. Письма 1957, с. 379). Последние четыре строки перекликаются со строками из стихотворения К. Н. Батюшкова "Мой гений" (1815): – ..'к "и образ милый, незабвенный // Повсюду странствует со мной".

"Не знаешь, что лестней для мудрости людской..."

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 75.

Русская география.

Впервые – Соч. 1886, с. 141. Град Петров – имеется в виду Рим, город св. апостола Петра. Константинов град – Константинополь, столица древней Византии. Как то провидел дух и Даниил предрек – намек на библейское пророчество о царстве, которое "во веки не разрушится" ("Книга пророка Даниила", 2.44).

Русской женщине.

Впервые – журн. «Киевлянин», 1850, кн. 3, с. 191, под заглавием "Моей землячке".

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Заглавие было, видимо, изменено с целью приглушения социального смысла стихотворения. Н. А. Добролюбов привел это стихотворение в статье "Когда же придет настоящий день?", охарактеризовав его как "безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещения поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России" (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 3. М., 1952, с. 67).

"Как дымный столп светлеет в вышине..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290.

"Неохотно и не смело..."

Впервые – журн. «Киевлянин», 1850, кн. 3, с. 192, под заглавием «Гроза». Написано по дороге из Москвы в Овстуг.

"Итак, опять увиделся я с вами..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 288. Написано во время пребывания в Овстуге, куда Тютчев приехал 7 июня 1849 года, вторично по своему возвращении из-за границы в Россию. По своему настроению близко к тому, что писал Тютчев жене 31 августа 1846 года под впечатлением первого посещения Овстуга после многих лет отсутствия: "в первые мгновенья по приезде мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший... Словом, я испытал в течение нескольких мгновений то, что тысячи подобных мне испытывали при таких же обстоятельствах, что вслед за мною испытает еще немало других и что, в конечном счете, имеет ценность только для самого переживающего и только до тех пор, покуда он находится под этим обаянием" (См. т. 2, письмо № 55). Ах, и не в эту землю я сложил // Все, чем я жил и чем я дорожил... – поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине. При публикации стихотворения в Совр. 1854–3 и. С. Тургенев заменил во 2 строке немилые на печальные. См. письмо Г. С. Гагарина к П. В. Быкову от 14 ноября 1912 года (ГПБ).

"Тихой ночью, поздним летом..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. Написано в Овстуге.

"Когда в кругу убийственных забот..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 289.

"Слезы людские, о слезы людские."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. И. С. Аксаков рассказал о том, как было сочинено Тютчевым это стихотворение: "...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: *j'ai fait quelques rimes* (я сочинил несколько стихов. – Ред.) и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение..." См.: Аксаков 1886, с. 84 – 85.

"По равнине вод лазурной..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 164, под заглавием «Плавание».

Рассвет.

Впервые – Совр. 1854–3, с. 57 – 58. В одном из автографов (ЦГАЛИ) имеется помета "Посвящено Фуад-Эфенди", то есть турецкому государственному деятелю Магомеду Фуаду-паше (1814 – 1869). Чем конкретно вызвано это посвящение, не установлено.

"Вновь твои я вижу очи..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 289. Обращено, по-видимому, к Эрн. Тютчевой и содержит воспоминание о пребывании с ней в Генуе в 1837 году. Киммерийской грустной ночи... Киммерия – упоминаемая в «Одиссее» Гомера (X1, 14 – 15) печальная об- ласть", где царит "ночь безотрадная".

"Как он любил родные ели..."

Впервые под заглавием "О Ламартине" – Соч. 1886, с. 41. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Навеяно чтением книги А. Ламартина «Признание» "Les confidences" (1849), где есть такие строки: "Ветер так же мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью.. когда мне случается забыть там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты". См.: Стих. 1962, с. 398 – 399. Савойя – родина Ламартина. Копия стихотворения имеется в СТ, однако в изд. 1854 оно не вошло – видимо, потому, что Ламартин был крупным политическим деятелем Франции, входившей в антирусскую коалицию и находившейся в состоянии войны с Россией.

Поэзия.

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 163, с перепутанным порядком стихов.

"Кончен пир, умолкли хоры..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 4, № 13, с. 4.

Рим, ночью.

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 4, № 13, с. 3.

Наполеон.

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 162 – 163. Печатается по автографу АБ с поправкой по СТ в 26 строке (клубится вместо струится). Этот стихотворный цикл складывался на протяжении ряда лет. Прежде всего, в качестве самостоятельного стихотворения, было написано восьмистишие "два демона ему служили...". Оно возникло под впечатлением характеристики Наполеона в публицистических очерках Гейне, объединенных в его книге "Французские дела" (1832). По выражению Гейне, Наполеон был гением, "в голове которого гнездились орлы вдохновения, меж тем как в сердце вились змеи расчета". См.: Г. Гейне. Собр. соч., т. 5. М., 1958, с. 263 – 264. Пушкин намеревался поместить это восьмистишие в 3 том «Современника», но оно было запрещено цензурой "за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным". См. письмо цензора А. Л. Крылова к Пушкину от 28 июля 1836 года. – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 16. М.-Л., 1949, с. 144; "Временник Пушкинского Дома", Пг., 1914, с. 15. В 1849 году Тютчев включил в конспект 7 главы ("Россия и Наполеон") задуманного им публицистического трактата "Россия и Запад" стихотворный отрывок "Он сам на рубеже России...". Переработанный и дополненный восемью строками, он вошел в состав 323 самостоятельного стихотворения под заглавием "Нерешенный вопрос", текст которого почти соответствует 111 части цикла. Окончательное оформление цикла состоялось, по-видимому, незадолго до публикации. Данный цикл отражает стремление Тютчева разрешить в духе славянофильской доктрины проблему революции и исторических судеб России. Характеристика Наполеона, данная в 1 части цикла, является отголоском того, что писал о нем Шатобриан: "Детище нашей революции, он поразительно похож на свою мать"; "рожденный главным образом для того, чтобы разрушать, Буонапарте несет зло в самом себе". См.: Р. Шатобриан. "О Буонапарте, о Бурбонах..." Развитием этой же мысли служат и следующие заметки Тютчева, относящиеся к "России и Западу": "Реторика по поводу Наполеона заслонила историческую действительность, смысла которой не поняла и поэзия. Это центавр, который одною половиною своего тела Революция". См.: Аксаков 1886, с. 220. Да сбудутся ее судьбы! – цитата из приказа Наполеона по армии при переходе через Неман 12 июня 1812 года: "Россия увлекаема роком: да свершатся ее судьбы". Под новою загадкой в изгнание подразумеваются слова Наполеона, сказанные на острове Святой Елены: "через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков". На родину вернувшийся мертвец. В 1840 году останки Наполеона были перевезены с острова Святой Елены в Париж.

Венеция.

Впервые – Совр. 1854-3, с. 30. В стихотворении вспоминается обряд «обручения» венецианских дождей с Адриатическим морем, справлявшийся ежегодно до конца XVIII

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
века. Века три или четыре... Разрасталась в целом мире // Тень от львиного крыла.
Расцвет Венецианской республики относится к XII–XV векам. Крылатый лев – эмблема
св. Марка, считавшегося покровителем Венеции. Перед дворцом дождей стоит колонна,
увенчанная этой эмблемой. Тяжкая цепь. С 1814 по 1866 год Венеция, входившая в
состав Ломбардо–Венецианского королевства, находилась под владычеством Австрии.

"Святая ночь на небосклон взошла..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. В автографе
(Музей-усадьба Мураново имени Ф. И. Тютчева) зачеркнуто заглавие «Самосознание».

Пророчество.

Впервые – Совр. 1854–3, с. 57. В списке МА заглавие приписано на полях рукой
самого поэта. Появление стихотворения в печати вызвало недовольство Николая 1.
12 марта 1854 года по поручению царя Н. Н. Анненков направил А. С. Норову
«конфиденциальное» отношение, в котором говорилось: "Государь император,
прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно
зачеркнуть и написать: "Подобные фразы не допускать". Уведомляя о сем ваше
превосходительство, имею честь присовокупить, что о таковой высочайшей воле
сообщается мною вместе с сим для надлежащего сведения государственному канцлеру
иностранных дел и генерал-адъютанту графу Орлову". См.: Лирика 1965, т. 2, с.
361. См. также: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Вып. 1, М., 1928, с.
134. " Четвертый век уж на исходе, // Свершится он – и грянет час!"
Осуществление своих панславистских чаяний Тютчев связывал с 400-летней
годовщиной падения Византийской империи. Своды древние Софии – имеется в виду
мечеть Айя-София в Константинополе, ранее бывшая христианским храмом.

"Уж третий год беснуются языки..."

Впервые – газ. "Северная пчела", 1850, 7 марта, № 52. Слова, отмеченные курсивом
и кавычками, заимствованы из манифеста Николая I от 14 марта 1848 года по поводу
революционных событий в Австрии и Пруссии.

"Нет, карлик мой! трус беспримерный!..."

Впервые – изд. 1868, с. 128 – 129. Обращено к государственному канцлеру гр. К.
В. Нессельроде (1780 – 1862) и содержит критику с панславистских позиций
австрофильского курса его политики.

"Тогда лишь в полном торжестве..."

Впервые – изд. 1868, с. 127.

"Пошли, господь, свою отраду..."

Впервые – Совр. 1854 – 3, с. 33 – 34. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Ранее
печаталось по первой публикации. Однако разночтения первопечатного текста
являются не авторскими вариантами, а ошибками переписчиков СТ (в 4 строке –
жаркой вместо жесткой) и МА (в 16 строке – освежит вместо осенит).

На Неве.

Впервые – Совр. 1854–5, с. 13, с опечаткой в 1 строке (ныряет вместо играет).
Печатается по автографам ЦГАЛИ и АБ. Одно из первых стихотворений так
называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Об отношениях Тютчева с
Е. А. Денисьевой (1826 – 1864) и стихах, ей посвященных, см.: Г. Чулков.
Последняя любовь Тютчева. М., 1928; Пигарев 1962, с. 145 – 148, 169 – 172; И. В.
Петрова. Любовная лирика Тютчева 1850 – 1870-х годов ("денисьевский" цикл). –
"Учен. зап. Магнитогорского гос. пед. ин-та", 1963, вып. 15, с. 72 – 109.

"Не рассуждай, не хлопочи!..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1851, ч. 6, № 22, с. 220 с заглавием «Совет».

"Как ни дышит полдень знойный..."

Впервые– Совр. 1854–3, с. 34. Относится к начальной поре связи Тютчева с Е. А.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Денисьевой.

"Под дыханьем непогоды..."

Впервые – Совр. 1854-3, с. 31.

"Обвеян вещью дремотой..."

Впервые – Совр. 1854-3, с. 40, с пропуском 19 строки.

Два голоса.

Впервые – Совр. 1854-3, с. 55 – 56. А. А. Блок отметил в этом стихотворении "эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое". (См.: Дневник Ал. Блока. Л., 1928, с. 49, запись от 3 декабря 1911 года.) Б. М. Козырев обратил внимание на то, что стихотворение перекликается с масонским гимном Гете «Symbol» (1816). См.: Б. М. Козырев. Письма о Тютчеве. 1963 1967. – Архив Музея-усадьбы Мураново имени Ф. И. Тютчева, Н-82, л. 32 – 33. "Но по содержанию, – пишет Б. М. Козырев. – "два голоса" являются смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и – по моральному своему пафосу – атеистического стоицизма".

Графине Е. П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо).

Впервые – альм. "Раут на 1852 год", с. 203 – 204. Посвящено поэтессе Е. П. Ростопчиной (1811 – 1858), являясь в значительной степени проявлением светской галантности.

"Смотри, как на речном просторе..."

Впервые – журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 238. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). 4 строка в автографе (ЦГАЛИ) исправлена рукой П. А. Вяземского "за льдиной льдина вслед плывет". Нет оснований считать, что эта поправка была сделана без ведома Тютчева. С этой поправкой стихотворение было напечатано в «Москвитянин», издателю которого, М. П. Погодину, оно было послано самим Тютчевым. Вместе с тем нельзя не отметить, что поправка Вяземского привела к обеднению ритмического строения всего стихотворения, ибо, как верно пишет Б. Я. Бухштаб, "ритмическое изображение медленно и неровно плывущих льдин утратилось". (ПСстих. 1957, с. 43). Мета (устар.) цель.

Предопределение.

Впервые – Совр. 1854-3, с. 36.

Близнецы.

Впервые – Соч. 1886, с. 145 – 146. В 1857 году Тютчев по памяти вписал это стихотворение в альбом поэта и переводчика Н. В. Гербеля (ГПБ). Текст данной альбомной записи в художественном отношении явно уступает общеизвестной редакции начала 1850-х годов.

Есть близнецы – для земнородных

Два божества – то Смерть и Сон,

Как брат с сестрою дивно сходных

Она угрюмей, крогче он...

Есть два другие близнеца

Две тоже демонские власти

И нет неодолимей страсти,

Им покоряющей сердца...

Одолевают нас они

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Своей неразрешимой тайной

Союз их кровный – не случайный,
Даны им роковые дни...
И кто ж – когда бунтует кровь,
В поре несильных увлечений,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и Любовь!

"Я очи знал, – о, эти очи!.."

Впервые – Совр. 1854–3, с. 35. Написано в первый год связи с Е. А. Денисьевой, однако, как верно отметил Г. И. Чулков ("Последняя любовь Тютчева", с. 79), "прошедшее время, введенное поэтом с первых стихов пьесы и выдержанное до конца, вызывает некоторое сомнение" в том, что стихотворение относится к ней.

"Не говори: меня он, как и прежде, любит..."

Впервые – Совр. 1854–3, с. 36. Написано от лица Е. А. Денисьевой.

"О, не тревожь меня укорой справедливой..."

Впервые – Совр. 1854–3, с. 36, с разночтением в 7 строке: сознаю вместо узнаю. Печатается по копии СТ, снятой с несохранившегося автографа.

"Чему молилась ты с любовью..."

Впервые – Совр. 1854–3, с. 37. Печатается по копии СТ, снятой с несохранившегося автографа. В первой публикации ошибка переписчика МА в 7 строке: постыдилась вместо устыдилась.

"О, как убийственно мы любим..."

Впервые – Совр. 1854–3, с. 37. Печатается по копии СТ с утраченного автографа. Ранее стихотворение печаталось по первой публикации, в тексте которой имелись поправки Н. В. Сушкова (например, слепоте вместо слепости во 2 строке), мелкие ошибки переписчика МА и наборщика «Современника».

"Не знаю я, коснется ль благодать..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1892, вып. 4, с. 536. Перед текстом помета на французском языке: "Для вас (чтобы прочесть наедине)". Обращено ко второй жене поэта Эрн. Ф. Тютчевой. Написанное в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой, стихотворение было вложено им в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не замеченное ею, 24 года – до мая 1875 года. Прочитав впервые это стихотворение, И. С. Аксаков писал (в письме к Е. Ф. Тютчевой от 8 июня 1875 года): "Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на сокровеннейшие; интимнейшие брожения его сердца к его жене... Но что особенно поразительно и захватывает сердце, это то обстоятельство... что она об этих русских стихах не имела никакого понятия... В 1851 г... она еще не настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще разбирать русского писания Ф. И... Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного. – Рсд.), такого привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви" (цит. по кн.: Пигарев 1962, с. 149 – 150).

Первый лист.

Впервые – альм. "Раут на 1852 год", с. 202.

"Не раз ты слышала признание..."

Впервые сб. «Звенья», кн. 1, М.-Л., 1932, с. 86. Обращено к Е. А. Денисьевой

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru вскоре после рождения ее старшей дочери Елены. Впервые опубликовавшая это стихотворение Е. П. Казанович полагает, что оно написано еще до крещения дочери, чем и объясняется выражение "безымянный херувим".

Наш век.

Впервые – журн. «Москвитянин», 1851, ч. 4, % 16, с. 379. "Впусти меня!" – я верю, боже мой!.." и т. д. – перефразировка евангельского изречения (Марк, 9. 24).

"Дума за думой, волна за волной..."

Впервые под заглавием "Волна и дума" – альм. "Раут на 1852 год", с. 202. Заглавие дано издателем-редактором «Раута» Н. В. Сушковым. Подобные фрагментарные стихотворения Тютчев не озаглавливал. Печатается по копии СТ с утраченного автографа.

"Не остывшая от зною..."

Впервые, под заглавием "Ночь в дороге" – альм. "Раут на 1852 год", с. 201. Написано по дороге из Москвы в Петербург.

"В разлуке есть высокое значенье..."

Впервые – журн. "Старина и новизна", 1914, кн. 18, с. 30.

"День вечереет, ночь близка..."

Впервые – Совр. 1854-5, с. 13.

"Как весел грохот летних бурь..."

Впервые – Совр. 1854-3, с. 32, без деления на строфы.

"Недаром милосердым богом..."

Впервые – Совр. 1854-3, с. 55. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Обращено к одной из дочерей поэта, нечаянно раздавившей канарейку.

"Ты волна моя морская..."

Впервые – Совр. 1854-3, с. 47 – 48. Б. М. Козырев ("Письма о Тютчеве", лл. 79 – 82) убедительно показал, что в образе "своенравной волны" Тютчев дал психологически достоверную характеристику Е. А. Денисьевой. Не кольцо как дар заветный и т. д. – этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни (ср. стихотворение В. А. Жуковского "Кольцо души-девицы..."), построен на противопоставлении «законной» любви и роковой «любви-самоубийства» и включает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева вследствие своей связи с поэтом.

Памяти В. А. Жуковского.

Впервые под заглавием "На смерть Жуковского" – Совр. 1854-3, с. 46. Посвящено памяти выдающегося русского поэта, который был одним из литературных учителей Тютчева. С Жуковским, который бывал в доме родителей Тютчева, он был знаком с юношеских лет. Одной из их ранних встреч Тютчев посвятил стихотворение "17-е апреля 1818". См.: лирика 1965, т. 2, с. 268-269. Позднее они встречались за границей. Сохранилось письмо Тютчева к Жуковскому, написанное им после смерти первой жены. См. т. 2, наст. изд., письмо № 22. "Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу", – отзывался Жуковский о Тютчеве. См.: В. А. Жуковский. Сочинения, т. 6. СПб., 1878, с. 502. 29 июля 1852 года Тютчев присутствовал на похоронах Жуковского, тело которого было перевезено из Баден-Бадена в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Жуковскому посвящено также тютчевское стихотворение "Прекрасный день его на Западе исчез.", (1857). Он был мне Омировы читал – в 1847 году в Эмсе Жуковский читал Тютчеву свой перевод «Одиссеи» Гомера. "...я провел несколько прекрасных мгновений с Жуковским, занимаясь чтением его «Одиссеи» и с утра до вечера болтая о всевозможных вещах, – писал тогда же Тютчев жене. – Его «Одиссея» будет

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru действительно величественным и прекрасным творением..." ("Старина и новизна", 1914, кн. 18, с. 24). "Лишь сердцем чистые, те узрят бога!" несколько перефразированное евангельское изречение (Матфей, 5.8).

"Сияет солнце, воды блещут..."

Впервые – Совр. 1854 – 3, с. 48. Написано на Каменном острове, где Тютчев жл с июня по сентябрь 1852 года. В последней строфе – обращение к Е. А. Денисьевой.

"Чародейкою Зимою..."

Впервые – Соч. 1886, с. 196. Написано в Овстуге.

Последняя любовь.

Впервые – Совр. 1854–3, с. 38 – 39.

Неман.

Впервые, под заглавием "Проезд через Ковно"- альм. "Раут на 1854 год", с. 163 – 164. Написано в Ковно Каунасе), где поэт останавливался по пути из-за границы в Петербург. Посылая стихотворение жене 27 сентября 1853 года, Тютчев писал: "Эти стихи, о которых я тебе говорил, навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы перечитать страницу из истории 1812 г. Сегюра, где идет речь о переходе через эту реку армии Наполеона, или по крайней мере вспомнить картинку, так часто попадающиеся на постоянных дворах и изображающие это событие" ("Старина и новизна", 1914, кн. 18, с. 53). Южный демон – Наполеон, уроженец острова Корсики.

Спиритистическое предсказание.

Впервые в сб. «Звенья», 1932, кн. 1, с. 87. Считается, что стихотворение написано в период увлечения Тютчева спиритизмом (осень 1853 весна 1854 годов) и отражает надежды поэта на победный для России исход Крымской войны. Следует, однако, отметить, что этой датировке противоречит почерк автографа, который близок к тютчевскому почерку конца 1860-х годов.

Лето 1854.

Впервые – изд. 1868, с. 163, без заглавия. Первоначальная редакция была послана поэтом жене с письмом от 11 августа 1854 года (ГБЛ). Первая строфа в ней читается так:

О, это лето, это лето!

Мне подозрительно оно

Не колдовство ли просто это?

И нам за что подарено?

Перекликается со следующими строками из письма поэта к жене от 5 августа 1854 года: "Какие дни! Какие ночи! какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется особенно чудесным – это продолжительность, невозмутимая продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачею в игре. Уж не отменил ли господь окончательно в нашу пользу дурную погоду?" ("Старина и новизна", 1915, кн. 19, с. 87 – 88).

"Увы, что нашего незнанья..."

Впервые – изд., 1868, с. 171. Автограф (ГБЛ) в письме к жене от 11 сентября 1854 года из, Петербурга.

"Теперь тебе не до стихов..."

Впервые – изд. 1868, с. 164. Предназначалось для альм. "Раут на 1855 год" под названием "Е. И. П., требовавшей у автора стихов в альбом". См.: Лирика 1965, т.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
2. с. 366. Посвящено Е. И. Поповой (1820–1878), одной из знакомых поэта. Созрела жатва, жнец готов... Тютчев использует здесь библейский образ войны-"жатвы", который был традиционным в поэтическом стиле древнерусской литературы. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.-Л., 1947, с. 129. Ты – лучших, будущих времен // Глагол, и жизнь, и просвещение. Тютчев, как и многие славянофилы, поддерживал идею В. Ганки о превращении русского языка в язык интернационального общения всех славянских народов.

На новый 1855 год.

Впервые – журн. "Русский архив", 1867, вып. 12, с. 1638. Печатается по первой публикации с уточнением по автографу (ГПБ, альбом Г. П. Данилевского), в котором слово божьих в 14 строке было заменено по цензурным причинам на тяжких. В альбоме Данилевского (1829 – 1890) вписано 31 декабря 1855 года с заглавием-датой «1856». Тем самым поэт давал понять, что многие его пророчества по поводу 1855 года актуальны и для следующего года. Текст альбомной записи имеет противоречия чтения, связанные с приспособлением содержания к новой исторической обстановке. Особенно существенны замены глагольных форм настоящего времени несовершенного вида на формы прошедшего времени совершенного вида (например, «несет» на «принес» – дважды). В примечании к первой публикации стихотворения издатель "Русского архива" П. И. Бартенев писал: "...стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени. Нельзя не признать за ним высокого историко-литературного значения. Мы испросили у автора обязательного дозволения закрепить печатью эти удивительные в их поэтической чуткости строфы" (с. 1638 – 1639). Я не свое тебе открою... В предпосланной стихам в альбоме Данилевского записке говорится: "Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе... У меня собственно – никакой. Но вот вам мысль – чужая. Чья же именно?... Это довольно трудно объяснить, да и не нужно". В этой записке и в тексте стихотворения содержится намек на модное в то время в русских светских кругах увлечение спиритическим «столоверчением», которому поддался и Тютчев. А. Ф. Тютчева иронически писала об увлечении отца спиритизмом: "Странно, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог". См.: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, вып. 1. М., 1928, с. 128. Одна ли вы, народ ли целый обречен?... Намек на то, что результатом неудачного хода Крымской войны может быть насильственное свержение Николая I. Смерть императору Тютчев предсказал менее чем за 50 дней. Вторая и третья строфы перекликаются с первой строфой стихотворения Ф. Шиллера "Начало нового века".

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая.

Впервые изд. 1868, с. 169. Стихотворение отражает возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны, в частности – отказом соблюдать нейтралитет. 21 марта 1868 года цензор И. Росковшенко писал начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу, что в изд. 1868 имеется стихотворение, которое "заключает брань, обращенную и к Австрийскому эрцгерцогу и к царствующей династии Габсбургов... Неуместна была бы задержка нами этих стихов, на это нет у нас закона; но во всяком случае я считаю нужным предупредить об этих стихах Ваше Превосходительство, – было бы жаль, если б австрийский посланник предъявил жалобу на почтенного автора этих горячих стихов". См.: Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910, с. 206 – 207. Несмотря на предупреждение цензора, стихотворение не было изъято из изд. 1868. И весь апостольский их род... Австрийский император имел титул "апостольского величества".

"Пламя рдеет, пламя пышет..."

Впервые – журн. "Русская старина", 1885, т. 45, февраль, с. 433. Ранее считалось, что в 14 строке опечатка: люблю вместо ловлю. Однако текст первой публикации соответствует тексту копии Ф. Ф. Тютчева с утраченного подлинника (ПД, архив "Русской старины"), которую сын поэта передал через Я. П. Полонского в редакцию журнала. Обращено к Е. А. Денисьевой.

"Так, в жизни есть мгновения..."

Впервые – журн. "Русская старина", 1885, т. 45, февраль, с. 433.

"Эти бедные селенья..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1857, ч. 2, кн. 6, с. 143. Написано в г. Рославле Смоленской губ. по пути из Москвы в Овстуг. Д. Д. Благой обратил внимание на внутреннюю связь между этим стихотворением и написанным в тот же день "Вот от моря и до моря...", полагая, что строфы "Эти бедные селенья..." подсказаны не только непосредственными впечатлениями от зрелища угнетенной крепостным рабством страны, но и мыслями о неисчислимых страданиях защитников Севастополя – простых русских солдат, в исключительно тяжелых условиях с беспримерным героизмом отстаивавших свою Родину". См. примечания к кн.: Стих. 1953, с. 367 – 368.

"Вот от моря и до моря..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1857, ч. 2, кн. 6, с. 143 – 144. Проникнуто мрачными предчувствиями, вызванными осадой Севастополя.

Графине Ростопчиной.

Впервые – изд. 1868, с.173. Написано по случаю возвращения в Петербург Е. П. Ростопчиной. В 1846 году она опубликовала балладу "Неравный брак", в которой аллегорически изобразила взаимоотношения Польши и России, чем навлекла на себя крайнее неудовольствие Николая I, препятствовавшее ей показываться с столице.

"О вещая душа моя..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1857, ч. 2, кн. 6, с. 144. Так ты жилища двух миров... Здесь, по-видимому, поэт сравнивает себя с Е. А. Денисьевой, что имеет глубокий биографический и идейно-художественный смысл. Денисьева с ее противоречивым характером была живым олицетворением мятежной души поэта, его раздвоенного внутреннего мира. Подробнее см.: А. А. Николаев. Художник – мыслитель – гражданин. – "Вопросы литературы", 1979, № 1, с. 139 – 148. Мария – библейская Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря; слушала слово Христа, сидя у ног его, в то время как Марфа заботилась о большом угощении (Лука, 10.39). Эта притча, как и стихотворение, построена на противопоставлении мирских страстей и сует единственному святому делу души.

Николаю Павловичу ("Не богу ты служил и не России...").

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 76. Печатается по списку АБ. Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февраля 1855 года. Написана, по всей вероятности, несколько позже, когда под впечатлением падения Севастополя Тютчев подверг резкой критике личность и деятельность покойного самодержца. В письме к жене от 17 сентября 1855 года он писал: "Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовишная тупость этого злосчастного человека..." См. т. 2 наст. изд., письмо № 99.

"Тому, кто с верой и любовью..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1907, вып. 2, с. 276. Вклеено в экземпляр изд. 1854 (ГБЛ), посланный Тютчевым А. С. Норову (1795 – 1869). Служил ей мыслию и кровью... Намек на участие Норова в Бородинском сражении, в котором он получил ранение. Поставлен но- вым поколеньям// в благонадежные вожди. С 1854 по 1858 год Норов занимал пост министра народного просвещения.

"Все, что сбережь мне удалось..."

Впервые – Соч. 1900, с. 7. Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой в день ее рождения.

Н. Ф. Щербине.

Впервые – журн. "Русский вестник", 1857, т. 7, кн. 2, с. 837. Текст первой публикации соответствует автографу (ПД), обнаруженному в 1979 г. В лирике Н. Ф. Щербины преобладали античные темы и мотивы. В 1858 году Щербина издал "Сборник лучших произведений русской поэзии", в который включил 8 стихотворений Тютчева.

"Прекрасный день его на Западе исчез..."

Впервые – "Временник Пушкинского дома". Пг., 1914, с. 40. Написано в 5-ю годовщину со дня смерти В. А. Жуковского на форзаце несохранившегося экземпляра 10 тома его сочинений (СПб., 1857), подаренного Тютчевым дочери Дарье. Тютчев был членом комитета по редактированию этого издания.

"Над этой темною толпой..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 3. В первоначальной редакции (автограф Государственного музея Л. Н. Толстого) состояло из двух строф, соответствующих первой и третьей строфам окончательной редакции, при этом вторая строфа читалась так:

Смрад, безобразье, нищета,

Тут человечество немеет,

Кто ж это все прикрыть сумеет?..

Ты, риза чистая Христа!

Непосредственным поводом к созданию стихотворения послужил церковный праздник Успенья, на котором Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 года. Это обстоятельство объясняет заглавие "Народный праздник", под которым стихотворение было напечатано в изд. 1868. В то же время оно отражает размышления поэта в связи с предстоявшей крестьянской реформой. В сентябре того же года в письме к А. Д. Блудовой Тютчев высказал опасение, что крепостнический произвол будет заменен другим произволом, "в действительности более деспотическим, ибо он будет облечен во внешние формы законности". См. т. 2 наст. изд., письмо № 104.

"Есть в осени первоначальной..."

Впервые журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 3. Публикуемый в настоящем издании текст соответствует первоначальной записи (ЦГАЛИ). Впоследствии Тютчев несколько изменил 2 строку "Прозрачный воздух, день хрустальный" (автограф ЦГАЛИ). Написано по пути из Овстуга в Москву.

"Смотри, как роща зеленеет..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 5. Написано по пути из Овстуга в Москву.

"Когда осьмнадцать лет твои..."

Впервые – Нов. стих. 1926, с. 50. Написано ко дню восемнадцатилетия младшей дочери поэта М. Ф. Тютчевой.

"В часы, когда бывает..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 4. Посвящено памяти Эл. Таотчевой, первой жены поэта. Написано в 20-й год со дня ее смерти.

"Она сидела на полу..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1858, ч. 2, кн. 10, с. 2. По семейным преданиям Тютчевых, в этом стихотворении имеется в виду Эрн. Ф. Тютчева, уничтожившая свою переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства. Присущая (церк. – слав.) – присутствующая (здесь: принадлежащая).

Успокоение.

Впервые – журн. "Русский вестник", 1858, т. 16, кн. 1, с. 719. В ранней редакции (автограф ГБЛ) отсутствует 3 строфа и имеются разночтения:

Когда, что звали мы своим

Навек от нас ушло

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
и, как под камнем гробовым,

Нам станет тяжело,
Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет
Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...
И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как все быстрее и быстрее
Волненье понеслось...
Душа впадает в забытье
И чувствует она,
Что вот помчала и ее
Великая волна.

Стихотворение написано на тему стихов австрийского поэта-романтика Н. Ленау "Blick in den Strom" ("Взгляд в поток").

"Осенней поздней порою..."

Впервые – журн. "Русская беседа", 1859, ч. 1, кн. 13, с. 2 – 3. Белокрылые виденья – белые лебеди царскосельских прудов, воспеты в стихах многих русских поэтов.

На возвратном пути.

Впервые – газ. "Наше время", 1860, 17 января, № 1, с. 12, в обратной последовательности стихотворений. Написано по дороге из Кенигсберга в Петербург. Леман – Женевское озеро.

"Есть много мелких, безымянных..."

Впервые – изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. Написано по следующему поводу. 20 декабря 1859 года Тютчев получил пакет с надписью: "Его превосходительству Федору Ивановичу Тютчеву от великого князя генерал-адмирала для будущего бала". В пакете оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Н. Н. и В. И. Анненковых, за два дня до присылки очков, он не заметил вел. кн. Константина Николаевича и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу стихами, которые и были ему доставлены. Однако присылка очков объяснялась предстоящим костюмированным балом в Михайловском дворце, на котором Тютчев и Константин должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узанным по очкам, последний разослал ряду лиц очки. Последствий эта история не имела, так как стихи Тютчева, по существу весьма едкие, могли быть истолкованы и в лестном для адресата смысле: стоило только принять на свой счет не строки о "мелких созвездиях", а строки о "красе небес родных".

Декабрьское утро.

Впервые – газ. – журн. «Гражданин», 1872, 3 января, № 1, с. 9.

Е. Н. Анненковой.

Впервые – Соч. 1886, с. 232 – 233.

"Куда сомнителен мне твой..."

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Чем конкретно вызвана эпиграмма – не установлено.

Memento.

Впервые – изд. 1868, с. 187 – 188. Вызвано смертью императрицы Александры Федоровны, вдовы Николая I. В стихотворении Тютчев вспоминает о встречах с нею в сентябре 1859 года в Веве (Швейцария).

"Хоть я и свил гнездо в долине..."

Впервые – газ. «День», 1861, 16 декабря, № 10, с. 3.

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского.

Впервые – газ. "Наше время", 1861, 6 марта, № 8, с. 141 – 142. Написано по поводу 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского, с которым Тютчева связывали многолетние приятельские отношения. О личных и творческих связях между Тютчевым и Вяземским см.: Д. Благой. Три века, с. 236 – 268.

Александрю Второму.

Впервые – изд. 1868, с. 189., написано в связи с крестьянской реформой.

"Я знал ее еще тогда"

Впервые – изд. 1868, с. 193. Адресат не установлен.

"Недаром русские ты с детства помнил звуки..."

Впервые – сб. «Тютчевiana», М., 1922, с. 17. Обращено к немецкому журналисту В. Вольфсону (1820 – 1865), который в 1861 году по приглашению Академии наук приезжал из Дрездена в Петербург на юбилей Вяземского. Труды Вольфсона содействовали ознакомлению западноевропейского читателя с русской литературой. В 1 строке заключен намек на то, что Вольфсон, еврей по происхождению, был уроженцем Одессы.

Князю П. А. Вяземскому.

Впервые – газ. «День», 1861, 21 октября, № 2, с. 2. Написано ко дню рождения Вяземского.

"Играй, покуда над тобою..."

Впервые – жури. "Русский архив", 1874, вып. 7, с. 221 – 223. Адресат не установлен.

При посылке нового завета.

Впервые – газ. «День», 1861, 28 октября, № 3, с. 3. Обращено к старшей дочери поэта Анне. Под нелегким жребием Тютчев подразумевает прежде всего ее раннее сиротство (смерть матери) и придворную службу: Анна была фрейлиной императрицы Марии Александровны и воспитательницей ее дочери. В своих мемуарах и дневнике А. Ф. Тютчева нарисовала далекую от идеализации картину придворной жизни последних лет царствования Николая I и первых лет правления Александра II. См.: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. М., 1928 – 1929 (в двух частях). См. во 2 томе наст. изд. письма поэта к дочери.

"Он прежде мирный был казак..."

Впервые журн. "Каторга и ссылка", 1931, № 11 – 12, с. 210. Эпиграмма направлена против попечителя Петербургского учебного округа Г. И. Филиппсона (1809 – 1883) и вызвана его мероприятиями по борьбе со студенческими волнениями 1861 года. Ранее Филиппсон был казачьим атаманом, на что и намекает Тютчев в 1 строке. Каламбур 3 – 4 строк построен на дословном переводе с немецкого на русский фамилии Филиппсона ("сын Филиппа") и на том, что отца Александра Великого (Македонского) звали Филипп.

"Иным достался от природы..."

Впервые – изд. 1868, с. 196 – как одно целое со стихотворением "А. А. фету". Вместе со стихотворением "А. А. фету" ("Тебе сердечный мой поклон...") было послано А. А. фету 14 апреля 1862 года. Оба стихотворения написаны в ответ на стихи фета "Мой обожаемый поэт...", содержавшие просьбу к Тютчеву о присылке портрета. Фет был большим почитателем Тютчева. Он называл его "одним из величайших лириков, существовавших на земле" и дорожил дружеским расположением, с каким поэт к нему относился. См.: А. А. Ф е т. Мои воспоминания, ч. 2. М., 1890, с. 3. Фету принадлежит восторженная статья "О стихотворениях Ф. Тютчева" ("Русское слово", 1859, февраль, отд. 2, с. 63 – 84). Кроме уже упомянутого стихотворения, Фет посвятил Тютчеву еще два: "Прошла весна, темнеет лес..." и "Нетленностью божественной одеты..." Уже после смерти поэта Фет написал известные стихи "На книжке стихотворений Тютчева", в которых дал высокую оценку его поэзии:

...Муза, правду соблюдая,

Глядит, а на весах у ней

Вот эта книжка небольшая

Томов премногих тяжелей.

Первая строфа перекликается с двумя последними строфами стихотворения «Безумие». Великой Матерью любимый... Культ Великой Матери (Magna mater) древний синкретический культ, распространенный среди всех средиземноморских народов.

А. А. фету.

Впервые – изд. 1868, с. 196. См. примечание к предыдущему стихотворению.

"Затею этого рассказа..."

Впервые – сб. «Тютчевiana», М., 1922, с. 15. Эпиграмма на повесть Л. Н. Толстого «Казачьи», которая впервые появилась в январском номере "Русского вестника" за 1863 год.

"Ужасный сон отяготел над нами..."

Впервые – газ. «День», 1863, 10 августа, № 32, с. 3 – 4. Вызвано совместным дипломатическим выступлением Австрии, Англии и Франции в связи с польским восстанием 1863 года. Притон разбойничий в доме молитвы и т. д. намек на участие католического духовенства в польском восстании.

Его светлости князю А. А. Суворову.

Впервые – «Колокол», 1864, 1 января, л. 176, с. 1452. Вызвано отказом петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова (1804–1882) подписать приветственный адрес палачу польских повстанцев М. Н. Муравьеву, прозванному «Вешателем». Как администратор Суворов отличался мягкостью и был сторонником относительно либерального курса. Это привлекло к нему симпатии петербургского населения, в частности студенческой молодежи, но зато восстановило против него консервативно настроенные круги общества.

"Как летней иногда порою..."

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Впервые – изд. 1868, с. 202 – 204. Посвящено Н. С. Акинфиевой (1839 1891). В 19 – 20 строках содержится намек на увлечение ею А. М. Горчакова. См. также примечание к стихотворению "Как ни бесилося злоречье..." (с. 343).

Н. И. Кролю.

Впервые – изд. 1868, с. 205, без заглавия. Н. И. Кроть (1823 – 1871)
поэт-искровец и драматург.

19-ое февраля 1864.

Впервые – газ. "Русский инвалид", 1864, 22 февраля, № 43. В изд. 1868 вышло под заглавием "На смерть графа Д. Н. Блудова". С Тютчевым и его семьей Блудова связывали многолетние приятельские отношения. Великий день... Д. Н. Блудов (1785 – 1864), государственный и литературный деятель, президент Академии наук, умер в третью годовщину со дня обнародования манифеста о крестьянской реформе.

"Не все душе болезненное снится..."

Впервые – "Одnodневная газета Комитета академических театров помощи голодающим", 1922, 28 – 29 мая. Послано дочери Дарье в день ее рождения.

"Утихла биза, Легче дышит..."

Впервые – журн. "Русский вестник", 1865, т. 55, № 2, с. 686. Написано в Женеве. Биза – местное название северного ветра, дующего на Женевском озере. Белая гора – Монблан (буквальный перевод слова Montblanc). Одной могилой меньше было. Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

"Весь день она лежала в забытьи..."

Впервые – журн. "Русский вестник", 1865, т. 55, № 2, с. 685. Посвящено воспоминанию о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Написано в Ницце.

"Как неразгаданная тайна..."

Впервые – Соч. 1886, с. 209. Печатается по первой публикации. Написано в Ницце и посвящено императрице Марии Александровне, жене Александра II.

"О, этот юг, о, эта Ницца!..."

Впервые – журн. "Русский вестник", 1865, т. 55, кн. 2, с. 685. Стихотворение отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 года, он писал дочери Анне: "Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать. Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел..." См.: Стих. Письма 1957, с. 534. Первая "велнкая скорбь", пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены.

"Кто б ни был ты, но, встреться с ней..."

Впервые – газ. «Русь», 1880, 22 ноября, № 2, с. 4. Печатается по первой публикации. навеяно общением с императрицей Марией Александровной, с которой поэт встречался в Ницце.

Encyclica.

Впервые – газ. «день», 1865, 8 января, № 2, с. 32. Написано в связи с обнародованием 26 ноября 1864 года энциклики папы римского Пня IX, осуждавшей в числе прочих "зablуждений века" свободу совести. В первой строфе говорится о разрушении Иерусалимского храма римлянами в 70 году н. э.

Князю Горчакову.

Впервые – изд. 1868, с. 206. По предположению И. С. Аксакова, написано "по поводу грозивших русской печати новых стеснений". См.: Аксаков 1886, с. 281. По-видимому, Тютчев рассчитывал на то, что Горчаков, сменивший в 1856 году на

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru посту министра иностранных дел австрофила К. В. Нессельроде и проводивший политику защиты национальных интересов, выступит против этих «стеснений», которые грозили и славянофильским органам. В 5 – 6 строках содержится намек на дипломатическую деятельность Горчакова во время польского восстания 1863 – 1864 годов и на отпор, оказанный им иностранным державам.

"Как хорошо ты, о море ночное..."

Впервые газ. «День», 1865, 22 января, № 4, с. 76, в ранней редакции; полностью – "Русский вестник", 1855, т. 55, № 2, с. 687. Посылая окончательную редакцию в "Русский вестник" 1 февраля 1865 года, Тютчев писал: "Прилагаемая пьеса напечатана была без моего ведома, в самом безобразном виде, в 4-м No «Дня»... Я, бог свидетель, нисколько не дорожу своими стихами, – теперь менее, нежели когда-нибудь, но не вижу и необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих". См.: Стих. Письма 1957, с. 534. Три ранних редакции стихотворения см.: Лирика 1965, т. 1, с. 266 – 267. Написано в Ницце.

"Когда на то нет божьего согласия..."

Впервые – изд. 1868, с. 215. В автографе из собрания К. В. Питарева перед текстом помета: "Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865". Стихотворение было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской: "Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т." Из содержания стихотворения явствует, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем стихотворение имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчевой. С первой его строфой следует сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сентября 1864 года, написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: "...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, – тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, – тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной". См. т. 2, наст. изд., письмо № 115.

Ответ на адрес.

Впервые – журн. "Русский архив", 1885, вып. 10, с. 298, под заглавием «Москвичам». Вызвано адресом московского дворянства о созыве Земской думы, поданным Александру II 11 января 1865 года. На эпиграмму последовал ответ «москвичей», автором которого является князь Н. П. Мещерский (1829 – 1901):

Вы ошибаетесь грубо,

И в вашей Ницце, дорогой,

Сложили, видно, вместе с шубой

Вы память о земле родной.

В раю терпение уместно,

Политике там места нет;

Там все умно, сог

ласно, честно,

Там нет зимы, там вечный свет.

Но как же быть в стране унылой,

Где ныне правит Константин

И где слились в одно светило

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Валуев, Рейтерн, Головин?

Нет, нам парламента не нужно,

Но почему ж нас проклинать

За то, что мы дерзнули дружно

И громко караул кричать?

В ответном стих. упоминаются имена председателя Государственного совета,
министров внутренних дел, финансов и народного просвещения.

"Есть и в моем страдальческом застое..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1874, вып. 10, с. 377, неполностью; полностью –
"Исторический вестник", 1903, т. 93, № 7, с. 203, в статье Ф. Ф. Тютчева "Федор
Иванович Тютчев. Материалы к его биографии", под заглавием "По возвращении из
Ниццы в 1865 г.". Посвящено воспоминанию о Е. А. Денисьевой.

"Он, умирая, сомневался..."

Впервые – журн. «Ипокрена», 1917, октябрь, с. 5. Написано по случаю столетней
годовщины со дня смерти М. В. Ломоносова, отмечавшейся 4 апреля 1865 года. Было
прочитано Я. П. Полонским 7 апреля на вечере памяти Ломоносова в зале
Дворянского собрания. Зловещей думаю томим... Умирающий Ломоносов высказал
опасение, что, все его "полезные намерения" умрут вместе с ним. Борец
ветхозаветный – древнееврейский патриарх Иаков. В Библии имеется сказание о том,
как однажды с Иаковом "боролся некто до появления зари", и только на рассвете он
понял, что боролся с богом ("Бытие", 32.24-32).

"Сын царский умирает в Ницце..."

Впервые журн. «Былое», 1922, № 19, с. 68 в статье Г. Чулкова "Ф. И. Тютчев и его
эпиграммы". Вызвано предсмертной болезнью старшего сына Александра II, вел. кн.
Николая Александровича.

12-ое апреля 1865.

Впервые – газ. "Русский инвалид", 1865, 14 апреля, № 79, с. 4. Вызвано смертью
наследника престола.

"Как верно здравый смысл народа..."

Впервые – изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. Эпиграмма вызвана
слухами о том, что «уход» графа С. Г. Строганова (1794 – 1882) за наследником
пагубно отразился на здоровье последнего и был причиной его смерти от
туберкулеза.

"Певучесть есть в морских волнах..."

Впервые – журн. "Русский вестник", 1865, т. 58, № 8, с. 432. Печатается по
автографу (ГБЛ). В изд. 1868 И. С. Аксаковым была опущена последняя строфа, в
которой ему не понравилось "иностранное слово" протест. См. по этому поводу
письмо Аксакова к Е. Ф. Тютчевой (в кн.: Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева, с.
60). Написано в Петербурге во время поездки на Острова. Эпиграф заимствован у
римского поэта Авзония (IV в. до н. э.). Б. М. Козырев отметил, что философскому
содержанию этого стихотворения о разладе человека и природы соответствует и
стилистический диссонанс. Мировой гармонии, описанной в духе
пифагорейско-платонического учения, противостоит "отчаянный протест" –
выражение, "словно бы сошедшее со страниц радикальной журналистики шестидесятых
годов" ("письма о Тютчеве", л. 31). Мусикийский (церк. – кн.) – музыкальный.
Мыслящий тростник – образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля (из его
"Мыслей"): "человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это –
тростинка мыслящая". Глас вопиющего в пустыне – библейское выражение ("книга
пророка Исайи", 40.3), процитированное во всех четырех евангелиях и ставшее
поговоркой.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Другу моему Я. П. Полонскому.

Впервые – «Сочинения» Я. П. Полонского, СПб., 1869, т. 1, с. 106 – 107. Написано в ответ на стихотворение Полонского "Ф. И. Тютчеву" ("Ночной костер зимой у перелеска...").

"Сегодня друг, пятнадцать лет минуло..."

Впервые – журн. "Исторический вестник", 1903, т. 93, № 7, с. 202. Обращено, по всей вероятности, к близкому другу поэта А. И. Георгиевскому (1829 – 1911), мужу сестры Е. А. Денисьевой Марии.

"Молчнт сомнительно Восток..."

Впервые – журн. "Русский вестник", 1865, т. 58, № 7, с. 111. В изд. 1868 вошло под заглавием "Восход солнца". Стихотворение в аллегорической форме выражает мечты поэта о политическом и национальном воз. рождении восточных славян. Вместе с тем, по верному замечанию И. С. Аксакова, "здесь под образом восходящего солнца подразумевается пробуждение Востока... Однако образ сам по себе так самостоятельно хорош, что, очевидно, если не перевесил аллегория в душе поэта, то не подчинился ей, а вылился свободно и независимо". См.: Аксаков 1886, с. 118.

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Впервые – журн. "Исторический вестник", 1903, т. 93, № 7, с. 202. Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой. Подробный анализ стихотворения см. в кн.: Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 186 – 203.

"Как неожиданно и ярко..."

Впервые – газ. «День», 1865, 25 сентября, № 33, с. 780. Написано в Рославле.

"Ночное небо так угрюмо..."

Впервые – газ. «День», 1865, 25 сентября, № 33, с. 781. Написано по дороге из Овстуга в Дядьково или на обратном пути.

"Нет дня, чтобы душа не ныла..."

Впервые журн. "Исторический вестник", 1903, т. 93, № 7, с. 202. Связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой.

"Как ни бесилося злоречье..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1874, вып. 12, с. 1124. В стихотворении речь идет, по-видимому, об Н. С. Акинфиевой, внучатой племяннице А. М. Горчакова. Вызвано светскими пересудами об ее разводе с мужем и предполагавшемся браке с дядей.

Графине А. Д. Блудовой.

Впервые, под заглавием "Графине А. Д. 'Б.'" – изд. 1868, с. 221. Написано в связи со второй годовщиной смерти графа Д. Н. Блудова. Посвящено его дочери Антонине Дмитриевне (1812 – 1891).

"Когда сочувственно на наше слово..."

Впервые – ПСстих. 1933 – 1934, т. 2, с. 172.

Князю Суворову.

Впервые – изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. В списке М. Ф. Тютчевой (Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева) заглавие в стихотворение вписано рукой Эрн. Ф. Тютчевой. В резком тоне этого стихотворения сказалось предубежденное отношение консервативных слоев русского общества к административной деятельности А. А. Суворова. Покушение Д. В. Каракозова на

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Александра 11 в апреле 1866 года было расценено в правительственных кругах как следствие нерадивости Суворова. Это повлекло за собой упразднение должности петербургского генерал-губернатора, которую он занимал.

"И в божьем мире то ж бывает"

Впервые – изд. 1868, с. 224. Вызвано распоряжением Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца газеты "Московские ведомости", к редакции которой Тютчев был в эти годы близок. См.: Б. Я. Бухштаб. Три стихотворные послания Тютчева. – "Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской", 1956, т. 1, с. 238 – 240.

"Когда расстроенный кредит..."

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Эпиграмма вызвана назначением директора канцелярии морского ведомства С. А. Грейга (1827–1887), товарищем министра финансов.

"Тихо в озере струится..."

Впервые – изд. 1868, с. 222. В письме к жене от 31 июля 1866 года из Царского Села Тютчев писал: "В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно, царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время". См.: "Старина и новизна", 1916, кн. 21, с. 230.

"На гробовой его покров..."

Впервые – газ. "Русский инвалид", 1866, 7 сентября, № 229, с. 4, под заглавием "Памяти графа М. Н. Муравьева".

"Когда дряхлеющие силы..."

Впервые – изд. 1868, откуда было вырезано по требованию автора, под заглавием "Еще князю П. А. Вяземскому". Непосредственным поводом к написанию этого стихотворения послужили сатирические стихи Вяземского "Воспоминания из Буало" и «Хлестаков», направленные против редактора "Русского вестника" и "Московских ведомостей" М. Н. Каткова (1818 – 1887). См.: П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. М.–Л., 1935, с. 463 – 468. Несмотря на консервативность тогдашних политических убеждений Вяземского, ему претил откровенный национализм Каткова и его стремление поучать правительство. Тютчев в то время был близок к редакции "Русского вестника" и "Московских ведомостей", членом которой состоял его друг А. И. Георгиевский. Данное стихотворение, написанное как бы в защиту М. Н. Каткова, было послано Тютчевым Георгиевскому при письме от 3 сентября 1866 года для публикации в "Русском вестнике". Однако опубликовано оно не было. Будучи в широком смысле произведением об "отцах и детях", это стихотворение является вместе с тем очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского в его отношении к молодому поколению вообще. Его можно сопоставить с тем, что писал Тютчев о Вяземском, прослушав однажды его статью по поводу "Войны и мира" Л. Н. Толстого: "...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец. Это Кюстины новых поколений". См. во 2-м томе наст. изд. письмо к Е. Ф. Тютчевой от 3 января 1869 года, № 147. Требование исключить стихи из изд. 1868 объясняется нежеланием Тютчева портить давние приятельские отношения с Вяземским. См. по этому поводу во 2-м томе наст. изд. его письмо к Е. СД. Тютчевой от 26 марта 1868 года, № 141.

"Небо бледно-голубое..."

Впервые – журн. "Литературная библиотека", 1866, октябрь, кн. 1, с. 12. Написано по поводу приезда в Петербург в сентябре 1866 года датской принцессы Дагмары, невесты наследника престола Александра Александровича, будущего императора Александра III.

"Умом Россию не понять..."

Впервые – изд. 1868, с. 230. В. И. Кулешов считает, что формулу: Россию "аршином

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
общим не измерить" Тютчеву "мог подсказать И. С. Аксаков в "Зимней дороге"
(1847), где строка "Свое чужим аршином мерить" также означает, что несуразно
по-западному истолковывать все русское". См.: В. И. Кулешов. Славянофилы и
романтизм. – В кн.: К истории русского романтизма. М., 1973, с. 328.

На юбилей Н. М. Карамзина.

Впервые – журн. "Вестник Европы", 1866, т. 4, декабрь, с. 62, без строк 4 и 5.
Написано для прочтения на вечере памяти Карамзина (в 100-летнюю годовщину его
рождения) в Обществе для пособия нуждающимся литераторам, на котором оно было
прочитано М. М. Стасюлевичем.

"Ты долго ль будешь за туманом..."

Впервые – изд. 1868, с. 234. Написано по поводу восстания христианского населения
острова Крит против турецкого владычества. Критяне пользовались поддержкой
греков. Сильное брожение наблюдалось вообще среди христианских народностей на
Балканах. Тютчев, понимавший, что без поддержки Европы и России эти выступления
христиан Востока против турок обречены на поражение, но явно переоценивавший
возможности России после поражения в Крымской войне, надеялся, что Россия окажет
помощь восставшим и воспользуется событиями на Крите для решительного
выступления по восточному вопросу. Стихотворение было написано 20 декабря 1866
года, а через несколько дней, после первых дипломатических обращений русского
кабинета к Европе с призывом защитить христианские племена исламского мира,
Тютчев написал стихотворение "Хотя б она сошла с лица земного..."

"Хотя б она сошла с лица земной"

Впервые – изд. 1868, с. 235 – 236. См. примечание к предыдущему стихотворению. В
списке М. Ф. Тютчевой (собрание К. В. Пигарева) имеется помета: "На слово леди
Бьюкенен (жена английского посла. – Ред.): бал в пользу кретин" вместо
«христиан» (в подлиннике по-французски: "...un bal pour des cretins" au lieu de
"chretiens"). Имеется в виду какой-то благотворительный бал, имевший целью сбор
пожертвований в помощь борющимся христианам Крита. На фоне пассивности
официальных кругов России это увеселительное мероприятие не могло не вызвать
возмущения Тютчева, не раз говорившего о недостойном поведении русского
правительства в данной ситуации. Так, летом 1867 года он писал жене: "Трагична
участь бедных кандиотов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле
самое жалкое. Иногда преступно и бесчестно быть настолько ниже своей задачи".
См.: "Старина и новизна", 1916, кн. 21, с. 225. Вместе с тем Тютчев
противопоставлял дипломатические шаги русского правительства по этому вопросу
двуличию буржуазных правительств, на словах готовых руководствоваться
гуманистическими, религиозными и нравственными принципами, на деле же
подчинявших свою политику корыстным интересам данного момента. Предпринятое
русским правительством дипломатическое вмешательство реального значения не
имело.

"Над Россией распростертой..."

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Эпиграмма направлена против графа П.
А. Шувалова (1827 – 1889), шефа жандармов и начальника Третьего отделения.
Назначенный в 1866 году на эти посты, Шувалов был облечен чрезвычайными
полномочиями и получил в Петербурге прозвище "Петр IV" и "Аракчеев II". См.: П.
В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, с. 270.

"Как этого посмертного альбома..."

Впервые изд. 1868, с. 237, под заглавием "Графине А. Д. Блудовой при получении
от нее книги с заметками гр. Д. Н. Б.". Посмертным альбомом Тютчев назвал
изданную посмертно книгу Д. Н. Блудова "Мысли и замечания" (СПб., 1866).

Дым.

Впервые – журн. "Отечественные записки", 1867, май, кн. 1 с. 181 – 182, вслед за
статьей Н. Н. Страхова "Новая повесть Тургенева". Написано в связи с появлением
в мартовской книжке "Русского вестника" за 1867 год романа И. С. Тургенева
«Дым». 23 апреля 1867 года В. П. Боткин писал Тургеневу: ""Дым" еще читается, и
мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф. И. Тютчева, – он только

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru что прочел и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всяком отсутствие национального чувства". См.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.-Л., 1930, с. 264. В своем стихотворении Тютчев противопоставляет «Дыму» творчество писателя 1840-х – начала 1850-х годов, которое он называет "могучим и прекрасным", "волшебным и родным" лесом.

Славянам.

Впервые – газ. "Московские ведомости", 1867, 14 мая, № 105, с. 1. Печатается по первой публикации. Написано в связи со Славянским съездом (см. примечание к стихотворению "к Ганке"). Прочитано Б. М. Маркевичем в качестве приветствия славянским гостям 11 мая 1867 года на банкете в петербургском Дворянском собрании. Косово поле – имеется в виду сражение при Косове, происшедшее 15 июня 1389 года между османской армией под начальством султана Мурада I и христианскими союзниками, действовавшими под командованием сербского короля Лазаря, – сражение, в котором турки одержали победу. Белая Гора – возвышенность близ Праги. Жестокое поражение, нанесенное здесь чехам 8 ноября 1620 года войсками германского императора Фердинанда II, привело к упадку политической самостоятельности Чехии. В 7 строфе выразилось характерное для реакционно настроенной части русского общества отношение к Польше, представители которой были приглашены на Славянский съезд. Празднества в честь славянских гостей сопровождались различными демонстрациями против поляков.

Славянам ("Они кричат, они грозятся...").

Впервые газ. "Московские ведомости", 1867, 24 мая, № 113, с. 3. Посылая И. С. Аксакову 16 мая 1867 года автограф стихотворения, Тютчев сопроводил его следующим письмом: "Вот вам, любезнейший Иван Сергеич, окончательное издание этих довольно ничтожных стихов, уже, вероятно, сообщенных вам Ю. Ф. Самариним. Не смейтесь над этою ребячески-отеческою заботливостью рифмоторца об окончательном округлении своего пустозвонного безделья". Прочитано С. М. Сухотиным 21 мая 1867 года в Сокольниках на банкете, данном Москвой в честь прибывших на Этнографическую выставку славянских гостей. По просьбе публики И. С. Аксаков прочитал его вторично. Эпиграф – слова австрийского министра иностранных дел графа Ф. фон Бейста (1809–1886), проводившего политику подавления славянских народностей Австро-Венгрии. Характеризуя роль Австрии в судьбах славянства, Тютчев еще в 1849 году писал "в набросках к трактату "Россия и Запад", что именно Австрия "выражала факт преобладания одного племени над другим: племени немецкого над славянским". См.: Аксаков 1886, с. 212.

"Напрасный труд – нет, их не вразумишь..."

Впервые – изд. 1868, с. 238. Непосредственный повод, вызвавший написание этих стихов, не выяснен. И. С. Аксаков приводит их в доказательство того, что ничто не раздражало Тютчева "в такой мере, как скудость национального понимания в высших сферах, правительственных и общественных, как высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам русской народности". См.: Аксаков 1886, с. 74.

"На юбилей князя А. М. Горчакова.

Впервые – в литогр. сб. "Юбилей государственного канцлера князя А. М. Горчакова 1867 года", с. 46 – 47 (ЦГАОР). Написано по поводу 50-летия государственной деятельности Горчакова. 13 июня 1867 года в связи с юбилеем он был назначен государственным канцлером.

"Как ни тяжел последний час..."

Впервые – в "Сочинениях графа П. И. Капниста", т. 1. М., 1901, с. 134. Написано 14 октября 1867 года во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор "Правительственного вестника" П. И. Капнист (1830 – 1898) заметил, что Тютчев "был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу". Экспромт был взят Капнистом "на память о любимом им поэте".

"Свершается заслуженная кара... "

Впервые – газ. «Москва», 1867, 29 октября, № 166, с. 4. Вызвано вторжением итальянских патриотов-гарибальдийцев в Папскую область и их борьбой со светской властью папы. Конечным результатом этой борьбы было завершённое к 1870 году объединение Италии. См. во 2 т. наст. изд. примечание к письму № 139...чью помочь ни зови... – намек на помощь, оказанную папству французскими войсками, которые в ноябре 1867 года отбили наступление гарибальдийцев. А ты, ее носитель неповинный и т. д. – обращение к папе Пнию IX.

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в "Journal de St.-Petersbourg".

Впервые – газ. «Русский», 1868, 1 января, № 1, с. 10. Написано в связи с обнаружением 5 декабря 1867 года дипломатической переписки русского правительства по восточному вопросу, в особенности же – в связи с декларацией, в которой оно отказывалось от дальнейшего гарантирования целостности Турецкой империи. Тютчев полагал, что это заявление вызовет всеобщее восстание восточных славян против турецкого владычества, но надежды поэта не оправдались.

"Опять стою я над Невою..."

Впервые – журн. "Исторический вестник", т. 93, № 7, с. 201. В последней строфе обращение к памяти Е. А. Денисьевой.

Пожары.

Впервые – газ. «Русский», 1868, 19 июля, № 16, с. 1. Навеяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868 года.

"В небе тают облака..."

Впервые – Соч. 1886, с. 314. Написано на хуторе Гостиловка близ Овстуга.

Михаилу Петровичу Погодину.

Впервые – газ. «Русский», 1869, 31 января, № 37, с. 4. Стихотворение было написано на форзаце экземпляра изд. 1868 (ПД), подаренного Тютчевым публицисту и историку М. П. Погодину (1800 – 1875). Посылая Погодину 30 августа 1868 года новую редакцию стихотворения, Тютчев писал: "Простите авторской щепетильности. Мне хотелось, чтобы по крайней мере те стихи, которые надписаны на ваше имя, были по возможности исправны, и потому посылаю вам их вторым изданием". Получив сборник стихотворений, Погодин ответил Тютчеву: "Вы заставили меня пожалеть, что не пишу стихов, любезнейший Федор Иванович. Возражу вам прозою, что такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вековечных..." (цит. по кн.: Лирика 1965, т. 2, с. 396).

Памяти Е. П. Ковалевского.

Впервые – газ. "Моск. ва", 1868, 25 сентября, № 139, с. 2. Е. П. Ковалевский (1811–1868) – путешественник и писатель. 23 сентября Тютчев присутствовал на его похоронах.

"Печати русской доброхоты..."

Впервые – журн. «Былое», 1922, № 19, с. 71. Эпиграмма вызвана цензурными преследованиями славянофильского органа «Москва» и почти дословно перекликается с письмом Тютчева к брату Николаю от 13 апреля 1868 года: "Все они (чиновники Министерства внутренних дел. – Ред.) более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты". См. т. 2 наст. изд., письмо № 143.

"Вы не родились поляком..."

Впервые – журн. "Русский архив", 1884, вып. 1, с. 243. Эпиграмма обращена к В. Д. Скарятину, издателю-редактору ультрареакционной аристократической газеты «Весть». Громите речью вы свободной // Всех тех, ко- му зажали рот! – имеются в виду в первую очередь славянофилы, против которых выступала «Весть» и которые после закрытия в 1868 году аксаковской «Москвы» не имели своего печатного

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
органа.

""Нет, не могу я видеть вас...""

Впервые – ПСстих. 1933 – 1934, т. 2, с. 264. Обращено к А. М. Горчакову.

"Великий день Кирилловой кончины.."

Впервые – в бр. "Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14 февраля 1869 г. в С.-Петербурге и Москве", Прага, 1869, с. 44.

"Нам не дано предугадать..."

Впервые – альм. "Северные цветы на 1903 год", с. 182.

"Две силы есть – две роковые силы..."

Впервые – Соч. 1886, с. 321.

11-ое мая 1869.

Впервые – Соч. 1886, с. 318. Написано по случаю празднования памяти просветителей славян Кирилла и Мефодия в Славянском благотворительном обществе. Не утаится Град от зрения людского и т. д. – цитата из евангелия от Матфея (5.14).

"Как насаждения Петрова..."

Впервые – газ. "Эстляндские губернские ведомости", 1869, 25 июня, № 51, с. 425. В первых строках имеется в виду сад, разведенный по приказанию Петра I вокруг построенного им загородного дворца в Екатеринентале близ Ревеля (Таллина). Екатерининская долина – буквальный перевод слова «Екатериненталь».

Андрею Николаевичу Муравьеву.

Впервые журн. «Заря», 1869, № 9, с. 1 – 2. Стихотворение навеяно встречей с А. Н. Муравьевым в Киеве в августе 1869 года. Воздушно-светозарный храм – Андреевский собор в Киеве, построенный по проекту Растрелли.

В деревне.

Впервые – Соч. 1886, с. 328 – 330. В списке И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ) имеется следующее примечание: " Стихотворение это написано Ф. И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежавшем ему имении с. Овстуге и вызвано видом собаки, гнавшей за стадом гусей и уток".

"Природа – сфинкс. И тем она верней..."

Впервые – Соч. 1886, с. 340. Написано в Овстуге. Сфинкс (греч. миф.) чудовище с лицом и грудью женщины, туловищем льва и крыльями птицы, обитавшее на скале около Фив. Сфинкс подстерегал путников и задавал им загадки. Не сумевших разгадать их он убивал.

Чехам от московских славян.

Впервые – журн. "Православное обозрение", 1869, № 9, с. 341 – 342. Текст первой публикации соответствует беловому автографу (ПД), обнаруженному в 1979 г. Прочитано 24 августа 1869 года в Москве на заседании Славянского комитета, посвященном 500-летию со дня рождения национального героя чешского народа Яна Гуса. Стихи были присоединены к золотой чаше, посланной Комитетом в Прагу. В русских славянофильских кругах гуситство рассматривалось как протест славянской религиозной мысли против западноевропейской. Разделяя это убеждение, Тютчев писал в статье "Россия и Революция": "...вся еще сохранившаяся в Богемии национальная жизнь сосредоточена в ее гуситских верованиях, в этом постоянно живучем протесте ее угнетенной славянской национальности против захватов римской церкви, а также и против немецкого господства". См.: ПССоч. 1913, с. 463. Под страшной ценой подразумевается казнь Яна Гуса, обвиненного в ереси и сожженного живым по приговору католической церкви.

"Как нас ни угнетай разлука..."

Впервые журн. "Красная нива", 1926, № 6, с. 9.

Современное.

Впервые – газ. «Голос», 1869, 15 октября, № 285, с. 2. Вызвано торжествами, происходившими в октябре 1869 года в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала. Франция принимала ближайшее участие в строительстве канала. Поэтому Наполеону III и его жене императрице Евгении (о ней говорится в 9 – 11 строках) в Турции оказывались особенные почести. Рима дочь, т. е. католичка. Как вторая Клеопатра... В древности, при египетской царице Клеопатре (! век до н. э.), уже существовал Суэцкий канал, но был позднее занесен песком.

А. Ф. Гильфердингу.

Впервые – газ. «Голос», 1869, 28 декабря, № 357, с. 2. Написано по поводу забаллотирования на выборах в адъюнкты Академии наук известного слависта-этнографа, собирателя онежских былин А. Ф. Гильфердинга (1831–1872). Тютчев высоко ценил заслуги Гильфердинга перед русской и славянской филологией. Во время предсмертной болезни он написал стихотворение, посвященное памяти Гильфердинга:

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,
И честно он всю жизнь ему служил,
Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин.

См.: Лирика 1963, т. 2, с. 271, 432 – 433.

Ю. Ф. Абазе.

Впервые – Соч. 1886, с. 319 – 320. Ю. Ф. Абаза (ум. 1915), музыкантша и певица, была дружна с Гуно и Листом, принимала активное участие в основании Русского музыкального общества.

"Так провидение судило..."

Впервые – Нов. стих. 1926, с. 96. Повод к написанию эпиграммы не установлен.

Гус на костре.

Впервые – журн. «Заря», 1870, № 5, с. 3 – 4. Написано для прочтения на вечере с живыми картинами, устроенном 1 апреля 1870 года в пользу Славянского благотворительного комитета. Предварительно, 26 марта, оно было прочитано на литературном вечере у Тютчева. Вероломный кесарь – германский император Сигизмунд, давший Гусу охранную грамоту при вызове его на церковный собор в Констанце, но затем, под давлением собора, признавший ее недействительной как выданную еретика. Старица простая – по преданию, одна старая женщина бросила вязанку хвороста в костер Гуса, чем вызвала с его стороны восклицание: "Sancta simplicitas!" ("Святая простота!").

"Над русской Вильной стародавней..."

Впервые – Соч. 1886, с. 341 – 342. Написано проездом через Вильну (Вильнюс) за границу. Позднее былое – имеется в виду польское восстание 1863 года.

К. Б. ("я встретил вас – и все былое...").

Впервые – журн. «Заря», 1870, № 12, с. 26. По свидетельству Я. П. Полонского, инициалы в заглавии обозначают сокращение переставленных слов "Баронессе Крюденер". См.: ПССоч. 1913, с. 638. Написано в Карлсбаде (Карловых Варах), куда Тютчев и А. М. Крюденер (во втором браке Адлерберг), случайно там встретившиеся, приехали лечиться на воды. Перекликается с посвященным ей же стихотворением 1830-х годов "Я помню время золотое..."

Два единства.

Впервые – журн. «Заря», 1870, № 10, с. 3. Прочитано 1 октября 1870 года на празднестве, устроенном Славянским благотворительным комитетом по случаю перехода в православие 13-ти чехов. Кровь льется через край имеется в виду начавшаяся 19 июля 1870 года франко-прусская война. Оракул наших дней – О. Бисмарк, процитированные в стихотворении слова которого ярко выражают идеологию германского милитаризма.

"Веленью высшему покорны..."

Впервые – газ. «Русь», 1880, 22 ноября, № 2, с. 17, под заглавием "В альбом П. А. Вакара" и с примечанием от редакции: "Это стихотворение, так сказать, от цензора к цензору – печатается нами с разрешения самого П. А. Вакара, которому, как члену Совета Главного управления по делам печати, Ф. И. Тютчев в качестве члена того же Совета приходился коллегой". О цензурной деятельности поэта и его сослуживцев см.: М. Б р и с к м а н. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной. – "Литературное наследство";, 1935, т. 19 – 21, с. 565 – 578; Пигарев 1962, с. 158 – 168. См. примечания к стих. "Давно известная всем дура..."

А. В. Плетневой ("чему бы жизнь нас ни учила...").

Впервые – журн. "Русский вестник", 1871, т. 91, январь, с. 118. А. В. Плетнева (1826 – 1901) – жена поэта и критика П. А. Плетнева.

"Да, вы сдержали ваше слово..."

Впервые – в литогр. сб. "Поздравления князю А. М. Горчакову по поводу циркуляра 19 октября 1870 г.", с. 92 – 93 (ЦГАОР). Вызвано обнародованием 3 ноября 1870 года декларации А. М. Горчакова о расторжении 14 статьи Парижского мирного договора 1856 года, ограничивавшей права России на Черном море. Пояснением к последней строфе служит письмо Тютчева к А. Ф. Аксаковой от 22 ноября 1870 года, в котором "твердому и достойному образу дей. ствий" правительства он противопоставляет "жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов", заискивавших перед иностранцами. См. т. 2 наст. собр., письмо № 162.

"Брат, столько лет сопутствовавший мне"

Впервые – журн. "Русский архив", 1874, вып. 10, с. 380 – 381. Посвящено памяти Н. И. Тютчева. Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, "можно сказать, единственным другом Федора Ивановича, у которого вне семьи было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы преимущественно пред прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федор Иванович так короток, так близко связан всею своею личною судьбою с самого детства". См.: Аксаков 1886, с. 307.

"Давно известная всем дура..."

Впервые – "Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени Н. К. Крупской", т. 1, 1956, с. 243. Четверостишие было записано Тютчевым в альбом П. А. Вакара (1820 – 1899), возможно, тогда же, что и стихотворение "Веленью высшему покорны...", т. е. в 1870 году.

"Впросонках слышу я – и не могу..."

Впервые – в "Мурановском сборнике", 1928, вып. 1, с. 43.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Черное море.

Впервые – в бр. "Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 29 марта 1871 г.", СПб., 1871, с. 43. Вызвано отменой 14 статьи Парижского мирного договора 1856 года (см. примечание к стихотворению "Да, вы сдержали ваше слово..."). В 4 строфе курсивом выделена цитата из стихотворения Пушкина "К морю". Петропавловского свода... гробовая сень – имеется в виду могила Николая I.

Ватиканская годовщина.

Впервые – газ. – журн. «Гражданин», 1872, 17 января, № 3, с. 79. Написано по поводу первой годовщины со дня провозглашения догмата о непогрешимости папы римского, принятого Ватиканским собором 18 июля 1870 года.

"От жизни той, что бушевала здесь..."

Впервые – Соч. 1886, с. 352 – 353. Сохранился первоначальный набросок стихотворения (ЦГАЛИ).

От жизни той, во дни былые

Пробушевавшей над землей,

Когда здесь силы роковые

Боролись слепо меж собой,

И столько бед здесь совершалось,

И столько крови здесь лилось,

Что уцелело и осталось?

Затихло все и улеглось.

Лишь кое-где, как из тумана

Давно забытой старины,

Два-три выходят здесь кургана

Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губернии, которое некогда было центром удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села. Тематически и идейно перекликается со стихотворением "Через ливонские я проезжал поля..." (1830).

"Враг отрицательности узкой..."

Впервые – в бр. "Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина", 1872, с. 88.

Памяти М. К. Политковской.

Впервые – газ. – журн. «Гражданин», 1872, 6 марта, № 10, с. 338. М. К. Политковская – писательница и переводчица.

"День православного Востока..."

Впервые – газ. "Московские ведомости", 1883, 19 апреля, № 107, с. 3, под заглавием "Светлое Христово Воскресение". Печатается по первой публикации, но без названия, отсутствующего в автографах, и с исправлением по автографам ошибок во 2 строке (Святой, святой вместо Святись, святись) и в 18 строке (полей вместо повей). В четвертой строфе, отсутствующей в автографах, было ошибочно напечатано врачество вместо врачество или врачество. Написано в день Пасхи, 16 апреля 1872 года, и послано М. Ф. Тютчевой, умиравшей в то время от чахотки в Рейхенгалле (Бавария).

"Все отнял у меня казнящий бог..."

Впервые – Соч. 1900, с. 8. Написано во время предсмертной болезни. Обращено к жене, Эрн. Ф. Тютчевой.

Бессонница (ночной момент).

Впервые – Соч. 1900, с. 369. Написано во время предсмертной болезни.

"Бывают роковые дни..."

Впервые – журн. "Русская старина", 1873, № 8, с. 4, в некрологе Тютчева, написанном А. В. Никитенко. Одно из последних стихотворений. Было послано А. В. Никитенко с припиской: "Друг мой, когда я вас увижу? Мне страшно тяжело и грустно".

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

" Nous avons pu tous deux, fatigues du voyage..."

("Устали мы в пути, и оба на мгновенье...").

Впервые – "Тютчевский сборник", М., 1923, с. 13. Написано в Линдау. Обращено к немецкому поэту А. П. Мальтицу (1795 – 1870). Мальтиц был женат на сестре первой жены Тютчева К. Ботмер. Он один из первых переводчиков стихов Тютчева на немецкий язык.

"Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!..."

("Как зыбок человек! Имел он очертанья...")

Впервые – журн. "Старина и новизна", 1914, кн 18, с. 3. Автограф стихотворения (ГБЛ) вложен в одно из писем поэта к жене за 1842 год.

Un reve (Мечта).

Впервые – Соч. 1900, с. 3 – 4. Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой. Четыре первых стиха написаны от ее лица,

"Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiege..."

("Безвременная ночь восходит безнадежно...")

Впервые – Соч. 1900, с. 445. Имеется также перевод М. П. Кудинова.

Тяжелый небосвод окутан ранней мглой.

Упрятана река под ледяной покров,

И гонит зимний вихрь, не знающий покоя,

Пыль снежную вдоль смутных берегов.

Вот море, наконец, замерзло. Скрылся где-то

Тревожный мир живых, мир бурный, грозовой,

И полюс северный при тусклых вспышках света

Баюкает любимый город свой.

"Comme en aimant le coeur devient pusillanime..."

("Как любящую грудь печаль и ужас гложат...").

Впервые – сб. «Звенья», 1933, кн. 2, с. 270. Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Как робко любящее сердце! Как с годами
Оно все более охвачено тоской!
И время я прошу: о, не беги, стой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами
Между тобой и мной.
Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнем.
Я слишком долго жнл, дней прошлых слишком много,
Так пусть твоя любовь не будет прошлым днем.
"Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurees..."
("Огни, блестящие во глуби светло-синей...").

Впервые – Соч. 1900, с. 5. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Вам, изливающим из глубины ночной
Свой непорочный свет, чья сущность неизменна,
О звезды, слава вам! Сияя красотой,
Не ведаете вы ни дряхлости, ни тлена.
А люди призрачны... Топча земную твердь,
В один и тот же миг живя и умирая,
На вас глядят они, идущие на смерть,
Бессмертный свой привет вам, звезды, посылая.
"Des premiers ans de votre vie..."
("О, как люблю я возвращаться...").

Впервые – журн. "Русский архив", 1892, вып. 4, с. 537. Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Вверх по теченью вашей жизни,
Иду, когда внимаю вам,
Иду к неведомой отчизне,
К первоначальным родникам.
Как здесь легко! Какие тайны
Сокрыты в этих берегах!
Как ласков свет необычайный,
Разлитый в смутных небесах!
Как благостно цветов дыханье,
Как ярка синева волны,

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Какие нежные мечтанья

Лазурью вод отражены!

Непонятое детство ваше

Вы раскрывали предо мной,

И все вокруг казалось краше,

Незримой веяло весной.

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

На Новый 1816 год.

Впервые – сб. «Феникс», 1922, кн. 1, с. 5 – 6. Написано в подражание одам Горация, а также русских поэтов XVIII – начала XIX века (Ломоносова, Державина, Карамзина, Мерзлякова, Гнедича). См.: Пигарев 1962, с. 13–14. Крон (ант. миф.) – Хронос, бог времени. Мемфис – столица древнего Египта, развалины которой находятся несколько южнее Каира. Илион – то же, что Троя, столица Трояды, греческого государства в северо-западной части Малой Азии. Коцит (ант. миф.) – река в подземном царстве. Тартар (ант. миф.) – часть подземного царства, местопребывание душ преступников. Эвмениды (ант. миф.) богини возмездия. Изощренну (арх.) – заостренную, наточенную. Жупел (арх.) сера.

Двум друзьям.

Впервые – сб. «Феникс», 1922, кн. 1, с. 139. К кому обращено стихотворение – не установлено.

"Всесилен я и вместе слаб..."

Впервые – Нов. стих. 1926, с. 85. В автографе (ЦГАЛИ) перед текстом помета: "Перевод Ф. Т...ва". Иностраный источник стихотворения не установлен.

"Пускай от зависти сердца зоилов ноют..."

Впервые – журн. "Голос минувшего", 1923, № 3, с. 88. Автограф – на книге Вольтера "La Henriade" издания 1805 года (собрание К. В. Пигарева). Четверостишие представляет собой переделку "Надписи к портрету М. М. Хераскова" И. И. Дмитриева. По всей вероятности, непосредственным поводом к адвесоанию стихотворения Вольтеру послужило критическое суждение о «Генриаде», прочитанное Тютчевым в предисловии Делиля к переводу «Энеиды». См.: Пигарев 1962, с. 31 – 32. Пиериды (ант. миф.) – то же, что музы.

Урания.

Впервые – "Речи и отчеты императорского Московского университета", 1820, с. 1 – 6. Написано под влиянием традиционных стихов на академические торжества, в частности – стихотворения А. Ф. Мерзлякова "Ход и успехи изящных искусств". В то же время в этом стихотворении обнаруживаются отзвуки таких стихотворных произведений, как «Поэзия» Карамзина, "Храм Марсов" Мих. Никит. Муравьева, «Художник» Шиллера. См.: Пигарев 1962, с. 33 – 34. Урания (ант. миф.) – муза астрономии; в данном случае – божественное воплощение красоты. Мнемозина (ант. миф.) – мать девяти муз. Хариты (ант. миф.) – богини женской красоты (то же, что грации). Аквилон (ант. миф.) – бог северного ветра. Фарос – знаменитым маяк на острове фарос близ Александрии. Персеполь древняя столица Персии. Мемнон – гигантская статуя в окрестностях Фив, издававшая гармонические звуки при появлении солнца. Эгея на берегах – на берегах Эгейского моря. Зеленый мирт Паллады – ошибка поэта: мирт был посвящен не Палладе, а Афродите. Певец слепой – Гомер. Арей (ант. миф.) бог войны (то же, что Марс). Лебедь Мантуи – Вергилий, который был уроженцем Мантуи. Сретает (арх.) – встречает. Феррарский орел – Торквато Тассо, долгие годы живший при дворе герцога Феррарского...Храм Солимь – Иерусалимский храм. Таг – река Тахо. Младой певец – Камозэнс. Два гения – Мильтон и Клопшток. Тамиза – река Темза. Росский Пиндар – Ломоносов. Поллюкс и Кастор – самые яркие звезды из созвездия Близнецов. Отцом и царем-героем назван Петр I. Певец фелицы – Державин. Строки 171 – 194 посвящены прославлению Александра I.

Собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Выражение на троне Человек заимствовано из "Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока" Державина. Янус (ант. миф.) – божество входа и выхода, изображавшееся двуликим. Почитался в Древнем Риме наравне с Юпитером. Двери посвященного ему храма растворялись во время войны и закрывались при наступлении мира. В выражении Закрылись Януса врата содержится намек на победоносное завершение Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813 – 1814 годов.

К. В. Пигарев, А. А. Николаев

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tyutchevfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!